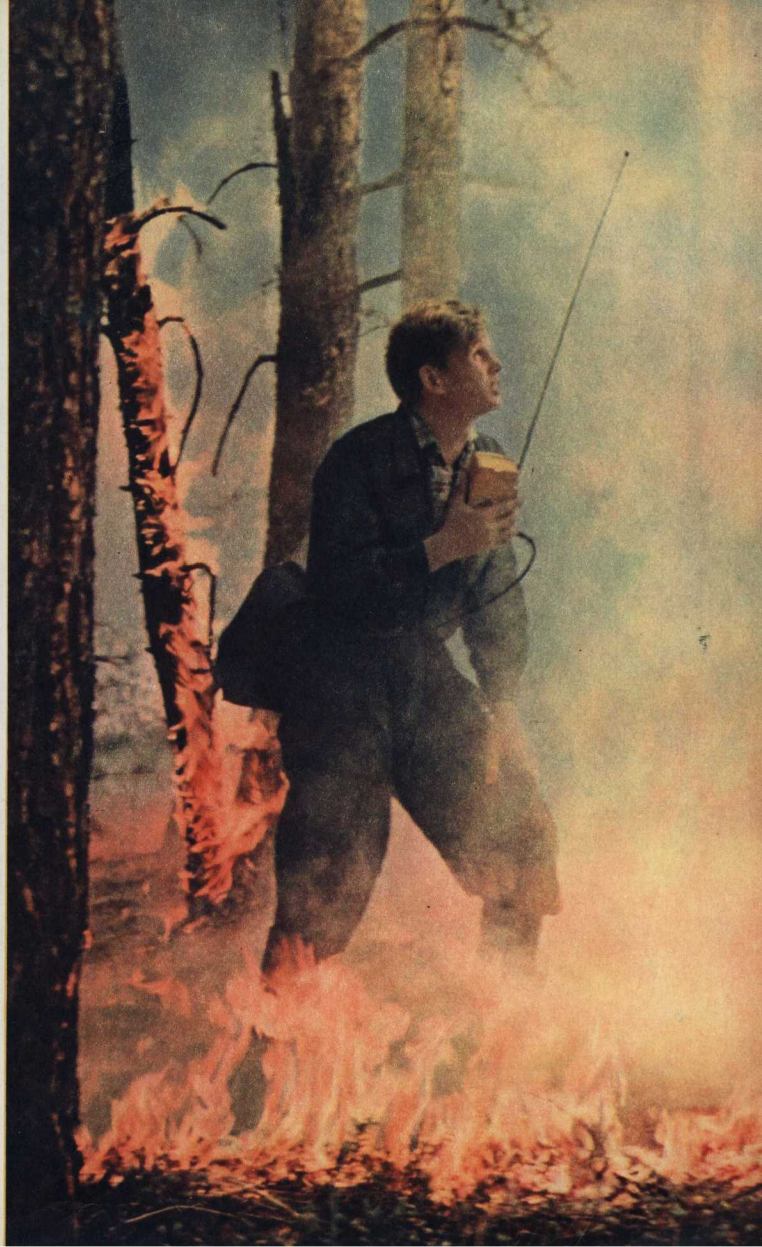

СИНГЛ

АВГУСТ 1965

Сингл
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТОГДА РАЗДВИНУЛИ ГОРЫ

А. ЕФРЕМОВ

Фото В. МИШИНА

«**Р**еки, повернутые вспять» и «сдвинутые горы», тысячекратно размноженные громогласными поэтами, не часто увидишь в жизни. В отрыве от фактов эти художественные образы блекнут и вовсе не поражают воображение читателей. Между тем, как утверждают строители, подобные факты имеют место. В частности, называют они Киргизию, горную систему Тянь-Шань. Здесь вот-вот остановят бег державной азиатской реки Сыр-Дарья, именуемой в горах Нарыном, и заключат ее в скалы. Данная геологическая операция свя-

зана со строительством Токтогульской ГЭС.

Строительная площадка Токтогульской ГЭС — явление в некотором роде уникальное. Если исходить из привычных представлений, то ее просто нет. Дело происходит в ущелье, где, как известно, существует лишь одно измерение — высота. Ширина же залита бурно кипящей водой. Ширину, необходимую для строительства, надо было строить. На это ушло три года.

Ущелье для будущей ГЭС подобрали достаточно дикое. Настолько дикое, что, когда по-над Нарыном вели магистраль Фрунзе—Ош, дорожники

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

16

(918)

АВГУСТ
1965

Год издания сорок второй
Выходит два раза в месяц

С отметки «1300». Два черных пятна на правом берегу — порталам туннеля.
Скалолазы — разведчики стройки.

Значит, возраст — если все дорожке
Времени измеренный запас.

Значит, возраст — если денщик строже
Каждый день отпущенный час,
Седьмился на мелкие заботы:
Жалко тратить время в пустяках;
И острее чувствуешь длинноты
В полах,
в кинофильмах и в стихах...

1964 г.

И заметил это не вчера —
Всужу вновь и вновь одно и то же:
Наши встречи, наши вечера
Стали удивительно похожи.

Наваждение! Просто нет жития,
Авоська странная забава.
Что-то мы, вечерялки, друзья,
До конца обговаривали что-то.

И охда товарищ наберет
Воздуха, сказать о чем-то хочет —
Всем уже известно наперед,
Чем блеснет он, чем начнет и кончит.

Я и сам угадывал не раз
За секунду, за две или за три:
Вот приставит кто-нибудь из нас,
Кляпнется, закурит...
Как в театре!
Просто не идет из головы!
Беспокойством в душу западает...
И все чаще,

что ни говори,
У поэтов строчки совпадают!
1964 г.
Декабрь

не решились его штурмовать. Не испугались, конечно, а подсчитали: невыгодно. И ушли в сторону от Нарына. Ущелье же оставалось неприступным, пока его не пригладил ирригаторы. Ирригаторы искали место под море, а также створ для плотин, это море забирающей.

Суть дела объясняется основными для Средней Азии тождествами: хлопок — это вода. На летние дожди надежда плохая. Хлопковые поля улетают жажду от снежных вершин Памира и Тянь-Шаня. Транспортировка воды из ледника в холмистую поруна Аму-Дарье (Вахшу) и Сир-Дарье (Нарыну). Соверившие горные реки не подвластны агрономам. Вода доливается неравномерно. Ее количество колеблется из месяца в месяц, а главное, из года в год. Выход один: собрать всю горную воду в бассейны и черпать из них по мере необходимости. Превращение реки в водопровод называется зарегулированием стока.

Регулировщики Нарына выбрали для создания горного моря долину Кетмен-Тюбе, родину национально-

Сколько слов говорим! И когда ж мы поспеем
Научиться? Все звучит слова, все хитрей.
Обгоняя рассвет, рано утром в постели
Поднимает меня телефонная трель...

Вставь словечко, пойдя в ту кипищу врозь:
Стула, бурление, накал! Вот-вот провод строгит.
Сунул трубку в карман, закурил папиросу,
Вновь за трубку берусь — говорит! говорит!

Ведлив я. Не смогу переуть, протестуя.
Пять минут, полчаска — умыт и поборит.
Все газы прачел, как в трубе, ждущей на стуле,
Михоилом принал — говорит! говорит!
Говорит, говорит — ни конца, ни управы.
Говорит — и надежды почти никакой.
Подключусь на минуту: — Согласен, вы правы, —
Немедан набирая свободной рукой.

Убегу на вокзал, до Батуми доеду.
У воды поваляюсь, панамкой припырив.
Через месал вернусь, торжествуя победу,
И ушастью в аэроуз: говорит! говорит!
Сколько слов говорим — снова, снова и снова!
Но увидим однажды: в ночи, под дождем
Плачет женщина и настоящего слова
Не найдем для нее...
В сотый раз не найдем!
1964 г.

го героя Киргизии народного поэта Токтогула. За счет излишков весенних и осенних паводков искусственная каменная чаща соберет двадцать миллионов кубометров живильной влаги. Этот запас при разумном потреблении гарантирует неизбывемо высокие урожаи хлопка.

Плотина, подырающая Кетмен-Тюбинское водохранилище, должна возвыситься на 230 метров. Даже япиклассники знают, что это потенциальная энергия, и энергия немалая. Услышав о планах мергаторов, энергетик подошел заявку на строительство ГЭС мощностью в 1200000 киловатт. Заявку удовлетворили. Очень простой в сути своей замысел стал омыкаться необычайно сложного технического воплощения. В ущелье прибыли проектировщики и тут же вслед за ними — строители, главным образом молодые рабочие с только что оконченной Учкурганской ГЭС.

Всю эту научно-популярную подоплеку строительства мы узнали от прозабы Беника Мазляна. Мазлян — хозяин левого берега, а заводной главный экскурсовод, так как в его

распоряжении находится лучшая панорама стройки. Панорама эта, впрочем, доступна не всем, так как маршрут приходится преодолевать гоноу окружение. Внизу пропасть в добрых километрах. Мы находимся на отметке «1300». Адрес этот колоритно характеризует высотный стиль стройки. Объекты прописаны здесь по высоте: «890 метров», «1030», «1105», «1300». Это над уровнем моря, а не над счетом от Нарына. Пешком сюда, наверх, без тренировки час, а то и полтора. Мы поднимались полчасом на гакси — бульдозере с прицепом. Пришел то и дело повисал над пропастью. Стальные гусеницы высекли из камня искры. Тактично, повидимому, самая крутая транспортная артерия мира. Во всяком случае, проектировщики отказались верить, что такая крутизна доступна бульдозеру. Бульдозеристы сами расчертили трассу. Сами выписали в осыпч каждый вздох.

Мазлян ведет рассказ о проделанной работе, и, поднимаясь на его раскосу, мы сogleзмь взглядом по рельефу освещенному солнцем пра-

Баллада о реке Миссисипи

Река Миссисипи
Ежегодно выносит в море
Пятьсот миллионов тонн ила.

Не особо внимательный к цифрам и датам, генерально умевший их забывать, — это помню всегда.

Мы учились в девятом, географно нам предостало сдать.

Собрались на квартире. Сидели, стояли кто где: у окна, у дверных косяков. Кто-то лег на тахте, кто-то встал у розетки, кто-то сидел на Мизяке Козаков, ставший после известным киноактером, а в тот день подвывавшим в роли чтеца, начал голосом звучным, тем самым, которым он с экрана воплощался толгой серда:

«Река Миссисипи
Ежегодно выносит в море
Пятьсот миллионов тонн ила».

«Все понятно, пятьсот миллионов тонн ила Миссисипи в открытое море несет», — возразил Слава Ковальский, завершивший набурля. — Все понятно, пятьсот. Ежегодно — пятьсот».

«Все понятно, пятьсот», — повторила ребята.
«Ежегодно пятьсот», — я отметил в душе.
«Брось ты, Слава, ведь это помнить не надо!»
«Тыфу ты, черт подери!» Я запомнил уже:

Река Миссисипи
Ежегодно выносит в море
Пятьсот миллионов тонн ила».

Много лет протекло. Тот экзамен мы сдали, а тот же вечер बाद облетенно, сонно, где я сколько в году выпаладевал, сколько хлещало, сколько свет страна, сколько нефть способна добыть.

Но поныне, если школьного друга встречаем порой, всех приветственных слов и расприслов попой, непременно припомним наш страший пароль:

«Река Миссисипи
Ежегодно выносит в море
Пятьсот миллионов тонн ила».

До чего же ненадежна ты, память людская! Сколько в складах и в складах твоих чужах. Все забуду я: жонки, которых даксно, адреса, телефоны, обиды, стихи. Но, должно быть, и в смертный час мой, если спросят, осторожно рукой прикоснувшись к плечу, сколько ила река Миссисипи выносит каждый год в океан, я в ответ прошепчу:

«Река Миссисипи
Ежегодно выносит в море
Пятьсот миллионов тонн ила».

тому берегу — высоченной скале.

Отсюда не видно строителя. Впрочем, их вообще немного на виду. Основные силы заняты пробойкой тоннелей. Нарыну готовит искусственное закрытое русло — водопровод сечением метров в двадцать. Внутри тоннеля работают мощные шагающие экскаваторы. Приданые им многотонные «МАЗы» и «КРАЗы» без труда развезают их на «подгорных аптеках», которые много шире старых московских переулков. Всего этого не увидишь с отметки «1300», и грандиозная стройка вовсе не выглядит грандиозной.

Нельзя увидеть и миллионы кубометров вынута скальной породы. Имя просто нет, эти кубометры, там, где они были. И в этом все дело. Строителям пришлось расширить ущелье, чтобы, помимо Нарына, нашлось место и для дора и для монтанских площадок. Расширить ущелье — значит потеснить, раздвинуть горы.

Есть на строительстве Токтогульской ГЭС удальной комсомольской стройки, ударный отряд. Это участок освоения склонов. Чт такое осво-

Деревня

1

Так бывает: с путевкой в кармане,
По дорогам, размытым с утра,
Наезжаем к тебе — горожане —
Репортеры, певцы, лектора.

Рассказат о пластмассах, о Кубе,
О свершенных космических лет,
Аризоэ в некрашеном клубе
Спеть, сияя носками штиблет.

Спотыкаясь о грабли и ведра,
Прикасаюсь к заботам твоим,
По плечу потреться норником:

— Как ты выросла дивно до арко,
Дорога, гордишься, не танси!
Любит музыку Маша-доирка,
Сочиняет стихи тракторист!..

Держим вежливо Машу за локот,
О стихах говорим: «Хороши!»
Но как-то все же неловкость
Существует на дожде души.

И когда на стеной полустанок
Довезет нас попутный шофер,
И задмыит состав у перрона,
И зеленым мигнет светофор,

И покатыится гром по спеленьям,
И огни поплывут, как в кино, —
С облегчением тайным и стыдным,
Отъезжая, не смотря в окно.

А в окошке то ливни косые,
То созревших полей тишина,
И летят за окошком Россия,
И летят над Россией
Луна.

2

Извлекаются пыльные старье
куртки,
Салоги в пропалгодней наскохней
грази.

Выбран старший.
Местком провозводит закупи,
Вот и утро.
Давай, грузовая, вези!

Сям директор сидит впереди.
Вместо флага —
Порыжевшая шляпа, чуть сбита
якося.
Он же рюкзачок и походная флага,
На задний рыбак, это кисти
пришлось.

Для примера,
Дабы молодежи не случался,
Диркажура собственным, в клетку,
платком,
«Комсомольскую» он запеваит
сначала
И народную русскую песню —
Потом.

Приезжаем.
Отвозит нам длинное поле.
На двоях — борода и коровника
одна.

И — вперед...
Кто-то в поидень покажет козюля,
Кто-то скажет, ясночно:
— Гордишь, орден!..

Выявляют лиядры.
Лодыри — тоже.
Вечерет.
В глазах от картошки рыбит.
Замечтался бухгалтер, на Блока
похожий,
И картофельный куст за вихор
тербит.

Облака на занат ульвают и тают,
Самолеты вверх, пролетаая, гудят.
Розовая, холмы на межах
вырастают.
Проезжают колхозники мимо,
Глядят.

В стороне машинистка
Татьяна Сергевна
Суетится, шпено засыпая
в котел,
И директор при ней,
Просветляющий душевно,
На прилах рыбака раздвует
костер.

После ужина в речке полощем
тарелки,

А потом
На поляне, обложеной тьмой,
В ожидание шофера играем
в горелки,
А потом, доиграв, уезжаем
домой.

3

Какой закат сегодня сланный!
Еще поведлю, погругну.
Еще разок пробуду по главной,
Еще машину пропущу,
Махну шоферу, встав на борков:
— Счастливо, парень, жми на газ!..

Конец моей командировке,
Я уезжаю через час.

Уже в конторе сельсовета
Мне в блинк поставили печат.
Моя статья пойдт в газету —
Героев здешних величат.

И ей, конечно, будут радм:
Глазды, написано про нас...
И чист, я сделал все, что надо,
И уезжаю через час.

Я сделал все других не хуже,
Меня в намеренном врыне
Не упрекнут, но почему же
Так беспособно клрут по мне?

Забыл, оставил что-то где-то?
А, пустяки, не в первый раз!
И — лодидо все равно про это:
Я уезжаю через час.

Гараж,
Колодец,
Ферма,
Школа —
Когда еще увижу вас?
Играет в клубе радиола,
Чуть припештывая, вальс.

Толпится люд в лучах заката...
Чего костите строгий глаз?
И не совершишь вам, ребята,
Я уезжаю через час.

1964 — 1965.

Монолог

рабочего

геологической

партни

Когда я встречал в городе
Людей, с которыми вместе
Бродил по рыцарям болотам
И песни пел у костров,
У нас беседа не клеится:
После передела восторгов
Точнее, переименуем,
Не знаем, о чем спросить.

И вроде как-то неловко
Сразу, кивнув, расстаться:
Ведь все-таки столько пройден
Радам, плечом к плечу.
Глядя и глазами хлопаем
Растерянно, виновато:
Ну как же так получается?
Ну ты бы хоть объяснил!

Нам явноственно не хватает
Откинутых наморничков,
Оранжевых искр, но больше
Покрывающих лицо.
Мешают портфели, сумки,
Комплексы с пыльной картошкой,
Плечам не хватает праздным
Тяжести рюкзака.

Все встанет на место летом:
Еда салоги натием —
Продолжится с полуслова
Прерванный разговор.
Проязят маршрут по карте,
Копар заберет — и в эти
Мучительные минуты
Мы даже не вспомним там.

Потомственно горожанам,
Я не ругаю города.
В картаталах его другие
Есть у меня друзья.
Но эта дружба иная,
Иная, как марсианка.
Она из другого мира,
Ей нечего думать здесь.

1965 г. Январь.

Семь часов утра. В ущелье приехала первая смена.

ить склоны! Любим способом (в рамках техники безопасности) забраться в нужную строителям точку отвесной скалы, удержаться там, вбить железный костыль, подвезать канпрозную веревку, подтянуть товарища, подвесить пешеходный трап, разбурить площадку, обезопасить ее от камнепадов и, наконец, смонтировать на ней нужный агрегат.

Теперь понятно, почему в штатном расписании участка имеется должность инструктора по альпинизму. Перворазрядница Эльвира Насонова, девушка на первый взгляд очень хрупкая, руководит школой скалолазов. Эту школу должны окончить все строители, работающие на склонах: плотники, монтажники, взрывники, бурьльщики, бульдозеристы. Ведь без умения лазать по скалам тут и шагу не ступить. Такова здешняя специфика. Молодежи такая специфика по нутру. Кое-кто не прочь даже облекч профессионально строителя-скалолаза в эфемерные романтические одежды. Может, для этого и есть основания, но подобные возвышенные настроения не встречают понимания в брига-

Взрывы формируют новый рисунок гор.

Небольшая выемка в скале — начало будущего туннеля. Вперед еще не одна сотня метров крепчайшего камяя.

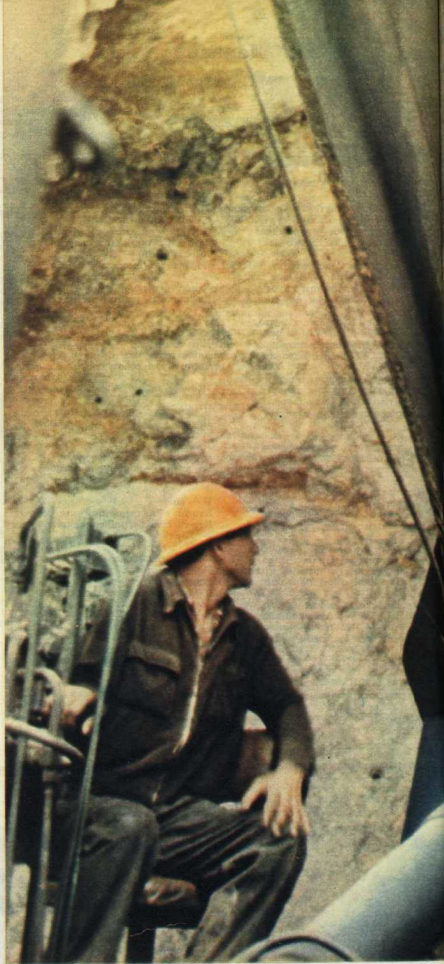
В обеденный перерыв геологи вышли из своих подземных лабораторий.

Дава года строители-скалолазы осваивали правый берег. Настала очередь взрываться в левый. Туда торо-

пились геологи. Они хотели взглянуть скалам «в душу». Ведь перекрытие Нарына будет осуществлено сбросом огромной скалы с левого берега. Взрывникам потребуются точные расчеты геологов. Но в районе створа левый берег оказался абсолютно неприступным: не то что встать — зацепиться не за что.

Совсем рядом левый берег, всего-то до него метров тридцать. Близок локоть, а не укусишь. Это непри-

вичное сознание своей беспомощности особенно докучало бригадирю монтажников комсомольцу Семену Подрезову. После смены он сидел над Нарыном, ломал голову. А когда нашел решение, удивился, что оно так просто. В одном месте Нарын довольно круто поворачивает влево. Значит, на правом берегу можно найти две такие точки, выше и ниже поворота, чтобы натянутый между ними трос подходил к левому берегу. Эле-

ментарная геометрия. Но при осуществлении замысла понадобилась изрядная ловкость. Подрезов сам переправился через Нарын и наладил канатную дорогу.

Эта же идея пригодилась позже, когда на штурм левобережья двинулась техника. Подготовили хитрую систему блоков, трижды три раза проверили прочность крепчайших тросов — и тяжелейшие бульдозеры совершили путешествие по воздуху.

История стройки исключительно богата примерами творческой инициативы самих строителей — рабочих, бригадиров, прорабов. Строительство, начиная до завершения проектной документации, зачастую обгоняет проектировщиков. Многие вопросы приходится уязвлять на ходу. Строители, знающие наизуток каждый метр ущелья, находят быстрые и экономные решения. Надо думать, проектировщики не в обиде.

Они часто приезжают на створ привязывать проект к местности и хорошо знают цену чертежам, сделанным не на листе ватмана, а на папирсной коробе или на капоте «Газика», запорошенном каменной пылью взрывов.

Когда началась проходка туннеля, потребовалось срочно подвести сжатый воздух и электроэнергию к порталам. Но трасса дороги в районе порталов все еще находилась во вла-

сти взрывников. Казалось, единственный выход — прокладывать дорогостоящий подземный кабель. Пять километров долгой и трудной работы. Бригадир электромонтажников Рахим Джафаров и верхолаз Медихат Халлиулин предложили провести кабель вдоль отвесной скалы над зоной взрывов. В этом предложении точный технический расчет снова сочетался с верой в свою рабочую спорность, в свой производственный опыт. Проход-

чики получили энергию на несколько месяцев раньше срока.

Сейчас в створе идет непосредственная подготовка к перекрытию Нарына и строительству плотины. Что делать — известно. Как — далеко не всегда. Как перекинуть воздухопровод? Как крепить жабель-краны? Как подавать бетон в створ? Ответы ищут. Ответы находят. Рождается советская методика строительства гидроузлов в особо трудных горных условиях.

Любят жизнь, правильный в целом и не замечая мелочей в частности, горюли меня. Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе. А в данном случае было иначе. Может быть, именно сейчас и надо было остаться. Может быть, сейчас я был действительно нужен этому маленькому сейсмологу, который читал мои книги, мы выбравшись из, а потому молчал на меня право. Может быть, московское суеверие, настоящее на действительных неудачах, как чтение воды и должно было быть распито с нечаянным собеседником. И тогда легче вспомнил бы глаза от которых и более крепкие мужички уходят на край света...

Я думал об этом, когда ехал по ночной бадахшанской дороге и когда возвращаться было уже поздно. В черной ночи существовало только то, что выхватывались фарам, я поступил неправильно. И ты не делай так, читатель. Ибо единственно ценное сокровище, которое подбрасывает нам в пути сверкающая судьба,—это радушие и привязанность...

И еще вспоминал шутку, похода отпущенную ванским скороходом:
— Дик и немощен тот, кто не оставляет в своем сердце места для беседы...

Утром я поднялся к источнику, о котором слышал в Рушине.

Насыр Хорев, поэт, мыслитель и странник, пришел в эту землю издалека и оставался в ней многие годы.

В нынешнем Поршневе он разложил свой ковер, о котором рассказывал агроном Шамбе. Теперь источник, или, как его называют, чайша Насыра Хорева, обрален цементным паралетом, и в этом обрамлении чувствуется изменчивая восточная такса сохранять прохладу, уберечь воду, ибо созревание водной глади приносит душевное успокоение.

В этом ирае, как и в прочих, господствовал ислам, но это был ислам облегченный, с примесью какого-то протестантского. Женщины всегда были здесь свободны, а мужчины трудолюбивы. Знающие люди говорят, что Насыр принес с собою не только песни и мудрость ванских мифов. Он научил многих обрабатывать землю и пользоваться дарями природы. Один говорит, будто он вывел пророком Мухаммедем, другое говорит, что — потом, — поэтому ему присваивают способность творить чудеса. Но Мухаммед понинут этот мир задолго до Насыра. Обрел ли он покой и садах алаха, не знает никто, и едва ли поэт мог иметь и ному каки-нибудь особенные претензии.

Насыр был поэту, чей посох обалдел способно вызвать из камня воду, и вода эта была чистой и не замулилась за тысячу лет. Но разве другие великие поэты не обалдали той же способностью?

Чайша плещется в цементном водоеме, а над ней склонился чинары, будто бы выросшие из каких-то легчайших оловянцев. Чинары тоже обломлены цементом, а на цементе стоит пиала для воды, чтобы поток мог утонуть жажду, прохладу мимо чайши. И пиала считается той самой, из которой пил Насыр Хорев.

Пусть считается, читатель! Может быть, педантизм архаическое знание, столько же лет и соответствует ли ее возраст легенде. Но Хорев ничего. Он чинч олеву. Чинары тоже мифологичны и прекрасны. Дереве обломлено рогами мифологов и индийских поэтов. Чинары — это иереши. Оно обломлено камнями, испещренным вьющим ствол, потому что и у поэта всегда есть мифология в поэзии. И женщины черпают воду из чайши для своих домашних нужд, потому что жизнь продолжается и не останавливается никогда.

А перед чайшою — широкий простор долины, безобразные горы, вечный покой природы, которая поочему-то в этом месте решила оставить свою особанность и отдохнуть.
Теплый зимок и холодный леток родник, поэзия илюк, немолочно журчит из-под камней. Масля, а бытний, страны стужа раздалот этот илюк и призывает утолить жажду и набрать влаги при запое.
Женщины посли воду, поставие посуд на голову и еле заметно балансирую руками. Впрочем, после первых шагов они шли уже легко и непринужденно.

Надо было ехать в Хорев, в высокую столицу Памира, где можно было довести до меня своих шагов по этой земле и выяснить, соответствует ли действительности известная поговорка: «Кто в Хореве не бывал — тот Памира не видел...»
Худоудые долго-взвые тополя Хорев начались сразу за Поршневом, расположенным совсем неподалеку. На камнях вдоль дороги практиковались молодые козлята, высокая птицы, высокие птицы. На табличке справа шла лозунг «Рохи сфед» — «Счастливого пути». Это — поселение Поршнава. И че-раз несколько километров Хорев приветствовал новой табличкой: «Хоуш омадел» — «Добро пожаловать».

Автом. Воды из чайши Насыра Хорева пила.

Эти таблички — непрямая принадлежность памирских дорог. Если в асфальтовых краях подобные архаизмы были вызваны обыкновенной автодорожной утилитью, то здесь они диктовались практическими обстоятельствами: надо иметь каменных сердце, чтобы не пожелать счастьяго пути тому, кто отправляется по этим дорогам. Это похоже на немецкое шатерское приветствие «Юлауфу!» — «Счастливого наверх!».

Итак, хоргические тополя наконец вытиснули в аллею, асфальтированную, молочную, со стиличными признаками и непременимыми орудическими знаками: запрещающими подвять звуковую сигналы, обгонять, превышать скорость, устранивать стоки и вообще проявлять шерошерстоное волнолюбие.

Зеленый, несколько чопорный Хорев изживал последние патриархальные пестры, следил европеийским наравдам, среди которых не так уж часто попадались пестрые платица с шароварами. Да и платица эти носили на себе несомненно опенчатое модного журнала, были значительно смелее, чем предусматривала традиция, отчего шаровары казался гораздо независимее, чем в Ванче или Рушине.

Что касается воинов, они носили светлые пиджаки с разрезами, избегаз тобетек и подставляли открытые головы открытому небу.

И тут я вспомнил стили насчет свонравной судьбы и ее страсти подсовывать востри. Конечно, первым, кого я встретил, был знаменитый мифологический журналист, который немедленно вытиснял меня из машины.

— Высокогорный госты! — закричал он. — Мы сейчас дадим подлинк в честь высокогорного гостя!

Я вылез из машины и попал в стихию московского трафа, милого, шумного, бесбашинного, поучительного...

Почунительность его заключалась в том, что уже на третьей минуте выяснилось, что Ванч—это не Памир, и Рушине тоже не Памир. И Хорев не Памир. Что все это — Бадахшан, что Бадахшан —опять же не Памир.
И, боясь услышать страшную правду о том, что и Памир — это не Памир, я задал решительный вопрос:

— Что же такое Памир?
И выяснилось, что Памир—это Мургаб, ибо еще в раскопках была обнаружена захороненная асимиа: что в Мургаве не бывал, тот Памира не видел.
И мы пошли в обком, а занатым людям, выби-вать машину на Мургаб.

3

Вообще на Памире любят считать. Всегда всегда переживает множество людей, знакомых с различными точными науками. Знание предмета не отстутствует для последователей дел. Но стоит делу на мгновение остановиться — знания выплывают по инерции. Они выходят, как шаровые молнии, и липнут к любому предмету, чтобы вычислить его, измерить, завесить, даже когда от этого не будет никакого практического толка. Мне кажется, что отстутствия значительного значения каиболее прилекательному. Шаровая молния знания тянется и предмету, заряженному разномизменным зарядом, и с грохотом нлоухает об него, теряя потенциал. Гром стоит небообразным.

— Знаете ли вы, какова сила удара архаровых рогов о камень, когда он прыгает с утеса в пропасть с пятьюстами килограмм — спросил вдруг геолог, попросту надоело молчать.

Нет.
Геолог обралавался:
— Но это же так просто! Берется вес архара, расстояние, на которое он падает, ускорение... Геолог быстро вслух вычислил и множил на какой-то таинственный коэффициент. Удари оказалось вышунительным — две тонны. Архара еще не было, но мы уже точно знали, с какою силой они грохотаются, спасаясь от возможных метких выстрелов.
Может быть, мы успели бы вычислить также траекторию полета диного нозла или парашюта, но которой барс добежит себе застрял. Но наше внимание было привлечено небольшим обвалом. При-рост на узкой дороге не представляло возможности. Надо было идти в бульвар, который курсирует на своем участке, прыгая в специальных инсти, чтобы пропустить автомобиль. Может быть, потугались расчитать наемных, чтобы не терять времени?

Геолог, мельком взглянув на камень, сказал: «Вот!»
Четырнадцать тонн. Не свдвинем.
— Почему четырнадцать?
— Но это же так просто! Длина, высота, ширина, то есть объем, умножить на удельный вес породы! Ошмиб — плюс-минус сто килограммов. Хорев подсчитал, усложнил нумно человек, чтобы его сбросить в пропасть.

Было нечто непонятно доверится до своей партии. Когда-то было замечено, что теория без практики мертва. Кто-то сказал, наоборот, что хорошая теория — это самая практичная штука. Мне кажется, теория — это просто знание, которое может жить без практики. Она сама рвется в дело, тренируясь по любому поводу, и тренируется всемерно, не разрывая в практике, а заодно предмет, о который тренирует запас энергии.

Нерезь день каменные выкладки. Он будет вычислять запас полетных ископаемых в породе, делить стоимость разработки и вычислять здоровый смысл влезть. И делать это он будет с тем же увлечением, с каким подсчитывает взор.

На Памире любят считать.
— Когда же это произойдет? — спросил я, вспоминая о назчанном в Рушине свдинани.
— Это точно!

* Опечатание. Начало см. в № 15.

тальна, она совершенно правильно заметила пост. Но ей абсолютно до лампочки, какую дорогу лучше ты выбрал. Таких, как ты, у нее много. Поэтому всегда держаться поближе к жизни — не пропадаешь!

Старый пастух чьего стада, заведов машину, степенно встал с камня и зашагал к дороге. Яги, кутасы щипали свои игольные подушечки. Странные животные — коровы с конскими хвостами, свиным хрюканьем и рогатым антелоп.

Пастух в лыском плаще был похож на древнего человека. Там много людей, и все куда-то спешат. Но здесь, на плоскогорье, под самым небом, около звезд и луны, свои правила. Здесь быстро закипает вода, не дожидаясь ста градусов, но долго варится пища и вельчественно, как на замедленном огне, ступают кутасы от не выключенных котелочков. Здесь долго пожимают руки и не торопятся с расприсами. Если человек в пути — значит, он перемещается по своим делам. А дела у человека всегда важные.

А мы перемещались на озере Рангуль, в излюбленный подобранный поселок. Где пастух стада, орудуя братья-полюги, играет радио и не знает толку деревьям и густой траве. Там, на озере, сходил лёд и грустно покрывали утки-отайки, устранивая свое ноуэволье...

Кадам, у которого всюду были родственники и знакомые, еще в Мургабе высказал мысль, что баран, пригнанный умелой рукой, значительно приятней барана, который разгуливает в сыром виле. Он был сторонник законченных действий. И ему повезло. Он подоспел вовремя.

Пона мы занялись своим газетными делами и приставали с вопросами и ракурс-председателю. Кадам успел провести соответствующую работу, в результате которой я был возведен в сан асана-ла, старейшины, мли, горюча проща, главы делегации. Это сыграло свою роль, и почтенная бараня голова была похоронена именно мне для дальнейшей раздачи и распределения. Я честно заявил, что трудно управлять даже с собственной головой, и предложенная задача просто мне не по силам. Распознала мне успехи и занялся проблемой распределения лично.

Кадам — сказал я, при случае, — зачем ты сделал мене асана-ла? — Ты заскучал, — ответил Кадам, — может быть, тебе приятно было стать начальником. Многих это делает богдыми.

Но мгновенное произведение в начале не взбодрило меня. Меня мучала горная болезнь. Эта штука быстро проходит. Но пока она не пройдет, жить на свете неприятно. Сначала понаказывают следы ревматизма, потом следы удаленных зубных нервов, идет полза воспоминаний, и воспоминания эти вызывают неудовлетворительные вздохи. И, наконец, сердце начинает замрять как в юности, когда перед мысленным взором возникло что-нибудь интересное.

И тогда я позвал себе старшего, кто меня стало мутить, и обратился к шоферу и сказал: — Кадам, — сказал я, — дай мне руль, Кадам, ибо с таким глубоко ушел в самознал. — Возьми, — ответил добрый Кадам, — думаю о дороге и не думаю о себе. Всегда всегда помогает. Бадаба — это инструмент слипания личных и общественных интересов. Вызван в жизни моменты, когда во избежание дорожных авариях предотвозможны личные переживания...

Около Алинура алпметр начал показывать разрядку, и стало ясно, что мы посадим аккумулятор задолго до Хорого. Кадам заветил несправности, но его доброе лицо не выражало никакого беспокойства.

— Где будем ремонтировать? — спросил я.

— Будем, — ответил Кадам, и в тоне его послышались знакомые философские ноты: все суета сует, дорогой товарищ, и всяческая суета. Чертов Экзельзат, автор указанного замещения о суете сует, снова вселялся в моего друга Кадама. Древний философ меланхолично поводит черными очами шофера, и глухоюная буря пустыня вокруг свидетельствовала именно о том, что все на свете акурат суета сует, и ничего больше.

— Кадам, — сказал я, переводя скорость и стараясь быть спокойным, — полетели щетки генератора.

— Полетели, — сказал Кадам голосом Экзельзата.

— Но у нас нет запчастей...

— Нет, — согласился Кадам.

— Что же делать?!

— Есть, — ответил Кадам. — Долго я сопел на соку, стараясь быть прямой перед следующим головокружительным перевалом. Маленькие лампирные горы, похожие на холмы, выбранные педантичным парникахером, не сулили ни автозаправочных станций, ни даже вербальных оазисов. Бывают такая местность, о которой можно сказать точно, что вокруг ничего не было. Вероятно, такие пейзажи встречаются только на невидимой стороне Луны. Мотор был, как истерик, кроме того, он уже был изрядно заезженным.

— Кадам, — сказал я, — вспомни, может быть, у тебя есть щетки.

— Вспомнил, — сказал Кадам. — Нет щеток.

— Что же мы будем делать?!

— Пить кока-я в Алинуре...

— А потом?!

— Потом поведем в Хорог.

— На чем же мы поведем?!

— На нашем козле.

Да, читатель, все суета сует. Где-то лежат запчасти, маленькие квадратки графита, от которых зависит сложность шофера, привыкшего к асфальту. Но здесь асфальта нет. Здесь — безразличная философская пустыня.

Кадам смотрел вперед и мурлыкал какую-то песенку. Вероятно, в этой песенке точно излагались различные философские концепции, приличные случаю. Может быть, в припеве ее точно формулировался ответ на вечный вопрос, с которым мы мчимся всю дорогу: в чем смысл жизни? Может быть, таинственное шутливое нарекание нашло убедительные слова на эту животрепещущую тему.

— Кадам, — одновременно спросил я, — что ты поешь, Кадам?!

— «То долинам и во взгорьях», — ответил Кадам. — Вечная переадити мост — подым.

Мы подумали и Алинуру, крошечному кишлаку, состоящему из пяти-шести домиков-кибиток. Это был уменьшенный Мургаб. Мургаб без волейбольной сетки, чайдана, общественных зданий и автомобильного оживления. Алинур — это пакирская деревня. Деревня, несмотря на абсолютное отсутствие растительности.

В Алинуре происходила увалье стрижка. Имплицитные барачники удаляемо блябли, будто смотрелись в зеркало и не узнавали себя. Ребятаки заголяли овечек в глиняные ворота. Овечки прижимались друг к другу, демонстрируя стадное чувство.

Я тоже остановил нашего козла возле голубого трехколесного мотоцикла, в котором играли ребятаки. Трое взрослых обсуждали какой-то мотоциклетный вопрос. Пахло бензином, и этот чудный запах внушал надежду.

Начавшись высокой пакирской церемонал рукопожатий. Не называя имен, не представляясь и не спрашивая имени, с величавой медлительностью все, кто находился в радиусе пятидесяти шагов — мужчины, старики, женщины и дети, — включились в церемонал. Сначала протягивали правую руку, а когда гости пожимают ее, рука гостя прикрывается еще и левой.

— Салом...

Здесь еще и вопрос о здоровье, и поздравление с успешным переходом, и приглашение отведавать плулу кока-я, и пожелание счастливого пути.

Бывают разные виды гостеприимства. Бывает гостеприимство громогласное и вельчерево. Гостеприимство нарочито превульгарное, неуверенно в традициях, с длинными витиватыми режам и с пыльным угощением.

Пакирец не может забыть двою винной болы. У него ее нет. У него есть только четыре пилы и чайник. И еще у него есть тысячаветный завет творить себя великим, удачливым, делаясь по следям. Он смеется гостя на старый половник, потерявший вареное и, в общем, небогатой жизнью, он заваривает чай, принося тарелку чьего масла и кирпич хлеба. Такой прием обходится ему значительно дороже, чем шумное пириество в благообразных местах. Но зато он сполнен душой. Ибо путник, инвашию оубь странствий в его доме, сидит с себя уставшее пути и обрал силы для следующего перехода.

— Кадам, — сказал я, — этот чобак небагат, а мы голодные. Мы должны его отблагодарить.

— Да, — ответил Кадам, — должны. Сложим ему рахмат. Спасибо.

— Но этого мало, Кадам! — Нет. Этого не мало. Когда он приедет в Москву, ты растелешь перед ним дострахан и к себе тоже сумеет рахмат...

— Но он никогда не приедет в Москву!

— Не приедет, — сказал Кадам.

Наш хозяин Карашмо — школьный учитель, мурлим, а также директор школы. У него двенадцать учеников — практически все эти ребятаки, которые ловят сейчас овец. В мотоцикле сидят дошломники. Они еще маленькими и не занимаются полезнам трудом.

Муалим — молодой человек, окончивший недавно пединститут. Двенадцать его влопостоле учатся в трех классах. Двое в первом, трое — во втором и семеро — в третьем. Все они сидят в одной комнате и бируют науку, не мешая друг другу. В новом учебном году Карашмо жидет пополнения. Когда закончится четвертый класс, ученики уедут в Мургаб, в интернат, а к Тону враничишадителю и подарят новую тварды, ибо человеку свойственно продолжать начатое дело.

Мы подняли капот, и Карашмо полез в мотор вместе с нами. Сначала он пожелал, что мы не можем разоборать свой мотоцикл, поскольку детали его нам не пригодятся. Потом он подумав, ушел к себе, и Кадам стал трудолюбивее чистить коллектор.

Хашинарау Кадам, шофер.

С Памира не слезай.

— Сейчас заменим,— сказал он.
— Откуда ты знаешь?
— Человек ушел. Значит, он придет и принесет что нужно. Иначе не ухорил бы...

Все будет так, как должно быть. Даже если будет иначе, это не имеет значения в смысле последней степени познания в мудрость. Я сталкивался с нею неоднократно и всегда поражался ее универсальности. И здесь я столкнулся с ней снова. Все было так, как должно было быть. Музыкой, которая была нечужда, ибо чувства в нашей динамике не подходили. Однако разнородность деталей ни в коем случае не снижает универсальности истины. Музыкой принес шило и иголки и стал работать. Он работал так же, как уходя человек, искренней, спокойной, с достоинством, делаясь последним и тогда себе великое удовольствие. Вот так он, вероятно, учит своих ребятишек, делаясь своими знаниями и сожалея, что не может сделать сразу все, что знает. Он не может сразу познать максимум их с языка, которые читает и читает, с музыкой, которую слышит.

Потому что они еще малы.
Ляди, отправляющиеся в путь, никогда не знают, что им встретится. И это первая степень посвящения в дорогу. Но шагнувший через порог уже знает, чего ожидать в пути. Ибо там, где есть камни сведений и полнокровные зрера размышлений, и это последняя степень... И тогда человек, как и мало, время от времени, отходит от человека вообще и иманитаризированно в частности, начинаешь теряться в догадках, как его распределить.
Так мы покидали Алчур, собираясь вернуться по пути на озеро Булулук...

Дорога на Булулук существует в том смысле, в каком существует, скажем, дорога к звездам, дорога к счастью, дорога к истине. То есть имеет-ся буква обходки, вдоль которой следует слезть с Алчурского тракта, скажем, пункт А. И, собственно, озеро Булулук. Пункт Б. И все, что находится между данными пунктами, есть дорога. И следует доказать, что от А до Б можно пройти, и что можно сделать это быстрее, чем по возможности быстрее, поскольку день уже в разгаре, солнце долго задерживается не станет, а решать подобную задачу в сплошной темноте шоферы-профессора просто не рекомендуют.

Этот путь отмечен рогами архаров, спиральками, которые лежат на пригорках и в ложках и повсюду о них ведется история жизни будничной, но в последние годы Архару слишком много врагов. В этих местах годливо и холодно, и поэтому волки здесь, лютые и настоящие. Олень с характерными бараньими рогами, нервный, чуждый, изданный в беге и мощный в прыжке,— талантливый зверь, способный довольствоваться самой малявкой и привыкший к полугодовой жимам,— это и есть архар, горный баран, редкое животное, ведущее свой род от тулук. Бюлея сытых времен и менее изысканных предков. Но этот горделивый зверь—всего только добыча для волков, которые не решаются напасть на него в одиночку и потому беспощадны, когда собираются стаями.

Наш козел забирался на кручи, осторожно сползал в ложину и оцупью перебирался через многочисленные ручейки, бурлящие среди булулукского. Белье, замытые ветром и водою черепя архаров и кудь желтоватый туловый мехопровердела наш путь.

Это была пустыня, если бы не следы автомобильной, идущие рядом с нашим следом и пересеченные его. Рога архаров словно указывали дорогу, но вот они кончились, и вдоль колеи стали попадаться детали автомобильной—старая помятая, погнутая диск, двавидельный ступак, Нет таких крестов, куда бы не пролез человек!
И, наконец, на очередном крохотном плоскогорье возникли большие глиняные кибитки.

Я прошу читателя отнестись к слову кибитка внимательно. Это—старое название памирской курной избы, глинобитной, но снабженной олене-меховой доспеховой стеной по своему содержанию. Конечно, подлинные кибитки еще сохранились. Но, к счастью, больше сохранилось название. Это глинобитные домики с окнами, с батарейными радиоприемниками и с электричеством, которое выдает электростанция.

Булулук еще полностью не очнулся от ола, но на нем уже воюю шла рыбака. Ловили

маринку. По мнению знатоков, это так называемая угнетенная условиями жизни форель. Во всяком случае, маринка—рыбка платиновая и по-видимому, ценная.

Над озером летали утки-отайки. Они немно покрикивали, и в голосах их уже было больше любви, чем печали.

Рыбака ахорил в планы местного совхоза, основной профрель которого—выгодство. Тогда совхоз отказался от промышленной добычи рыбы, поскольку экономического эффекта она не давала. Другое дело—ловить рыбу для собственных нужд, а это дело—транспортировать это

весьма скромный улов. Директор совхоза, высокий, красивый киргаз, похожий на героев с иллюстраций к эпосу «Манас», рассказывал о том, какой эффект дает узкая специализация. Умный, изобретательный, но силонный к проектированию, директор говорил, высказывая в том смысле, что, зная рынок нешерпая и по этой причине не следует расплыться. Нужно учитывать также и собственные силы и условия местности.

— Кутас,—сказал он,—дает молоко. Но если его разводить, он перестает давать масло. Надо взять арфиметр и подсчитать, что выгоде. Мы подсчитали. Выгодевое масло. И мы занимаемся маслом.

Молоко жид, по-местному, кутас, обладает высокой жирностью. Но взять его отсюда—затянет нелегко. Через три километра описанного выше пути оно уже превратится в масло. Взозть нужно более устойчивый продукт.

Мы подехали к Булулуку в сопровождении мотоциклиста, который указывал дорогу. Настроению нам шла веселая процессия. Впереди шли два рослых парня а ватниках и несли ведро, к которому была привязана названная на кукиан маринка. Рыбы было так много, что подмосковные рыбаковы-любители тронутыми бы от зависти. Разматровало ведро примерно наполовину прикрывалось рыбой. При этом можно было расстилать руки на какую угодно ширину—все соответствовало действительности.

Кадам крикнул астоп и выскочил из машины. Конечно, среди рыбаков являлся бы процентов оказался родными и близкими нашим Кадам, а остальные—его ближайшими друзьями.

Начался славный памирский обряд приветствий. Потом начался славный памирский обряд гостеприимства. Рыба была уложена на землю и разделена пополам.

Я заертачился.

— Друга,—сказал я,—вы лишаете нас удовольствия поймай эту рыбу лично и тем самым уверь нас московскими конкурентам, которые не только не ловили в Булулук славную маринку, но даже не знают, с какого вокзала на этот Булулук ехать.

Наша новые друзья попали в тулик. И тогда один из них снял с плеча малокалорийную винтовку и протянул ее мне.

—На,—сказал он,—убей утку.
Ему мало было рыбы. Он еще хотел поделиться страстью охотника.

Я взял винтовку, прицелился, выстрелил и не попал. Утки охотничьи обиделись моей способности и тотчас забыли обо мне. Тогда мотоциклист спросил:

— Может быть, ты хочешь покатыться на мотоцикле?

Он был огорчен гораздо больше меня и во что бы то ни стало хотел меня утешить.

Над пустынным Булулуком летали отайки, но озеро плыл челн, терпиковые осы окружали лыдистый водоум и уже начинали снить то ли от приближающегося вечера, то ли от наступающего ночного холода...

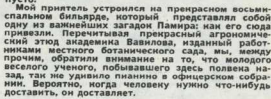
Во все путевых заметках обязательно присутствует святая фраза—замок и ответ.

Волос. Что вам больше всего понравилось? Отв. Т. Больше всего мне понравилось люди. Потому что они не только не хотят бы дать на озеро, который я задавал сам себе:

— Что мне больше всего понравилось на Памире?

На Памире больше всего мне понравилось люди...

А в Хоргое все было по-прежнему, только холодный ветер намекнул сразу дать понять, что можно было не приходить сюда, что летняя погода не перавад еще заигреть и вообще можно было остаться в Мургабе. Мы же не знали о существовании славного озера Булулука. Не было погоды, потому что природа соизвоила. И были заняты места в гостинице, так что никто из нас не мог остаться. Мой приятель устроился на прекрасном всемирном гилье, который представлял собой одну из важнейших загарод Памира: как его сюда пригласили. Мы же не знали, что летняя погода сний этот академик Вавилова, изданный работником Мургаба. Мы же не знали, что в Мургабе, напротив, обратили внимание на существование всемого озера, побывавшего здесь повена ная, так что никто из нас не мог остаться. Вероятно, когда летнему нуно что-нибудь доставить, он доставляет.

Только теперь стало ясно, как высоко мы забирались. Хоргоские тополя просто не поместились бы под мургабским небом. Они бы проткнули бы его.

Я люблю переполненные гостиницы. Они свидетельствуют о пошвенном интересе к существованию. В Хоргое всегда масса приехавшего народа. Но больше всего его потрясали набегии кинозвезд, все, как это случилось и на сей раз.

На близком горе воуругу города курнасы иветель А. Курнасы, приняла у меня званые и оценочную. Так тоже вошли в список. Мне показалось, что вошли нас не просто параграфы, а как-то даже впереди пропеллера. Но погода молчала.

И тогда случилось, назалось бы, очень незначительное событие, которое еще раз подтвердило мое дружеское признание, собственную оценку. Мы же не знали, что в Мургабе, напротив, обратили внимание на существование всемого озера, побывавшего здесь повена ная, так что никто из нас не мог остаться. Вероятно, когда летнему нуно что-нибудь доставить, он доставляет.

И тогда случилось, назалось бы, очень незначительное событие, которое еще раз подтвердило мое дружеское признание, собственную оценку. Мы же не знали, что в Мургабе, напротив, обратили внимание на существование всемого озера, побывавшего здесь повена ная, так что никто из нас не мог остаться. Вероятно, когда летнему нуно что-нибудь доставить, он доставляет.

И кан это грустно, читатель, когда самый дорогой документ знакомится самым бесположенным в булуно-официальной сваре! Кан это грустно, что не удалось предельно эту честную справку инспектору ГАИ, который охотничьи не знает...

Но надо лететь. Там, за перевалом, лежит славный город Душанбе, розовый, знойный город, просить командировку в который все равно, что просится в рай на зеленый свет. Старый Душанбе со своим знаменитым чинаром, стоящим здесь, когда Душанбе не был Душанбе, и когда он еще был Душанбе, и даже когда его не было вовсе. Старые чинары, украшенные персональными мемориальными досками. Там, за перевалом, лежит райский город, где трава проламывает асфальт. Там в вечерней тишине слышны голоса друзей: за другим в тасоте деревьев и горы стоят на приличном расстоянии, не своловничая и не нарушая представления о пейзаже.

А погода!

Но все бывает так, как должно быть. И утром нас согнали в кучу. Слово «погода» звучало, как слово «победа». Аманкисар рвал билеты, как трамвайный кондуктор в часы пик. Черт знает, что вылетит через раю часов вса эта философская кепка: земля, вода, огонь и воздух. Надо спешить!

Мы уже входили в памирские, за которым нетерпеливо был земля копидини самолет. И тогда раздался знакомый сигнал. Это был наш договор «обюн», «юез». Из него выскочил Кадам под небрежительные взгляды своих новых пассажиров.

— Лома!—крикнул он.—Я ехал в Мургаб. Смотрю на небо—погода! Ты лететь. Я—вернулся. До свидания! Прощай же!

Мы расцепились. Кадам вскочил в машину и поехал в Мургаб. Он сделал все, что мог. Он был товарищ.

Самовел подпрыгнул, залетел, а посмотрел в небо, и мавел вату, что я вынул из тоненькой дороге маленькую зеленую машину Кадам...

Э. ДАНИЛОВА

Фото С. ПЕТРУХИНА

Место действия Восход

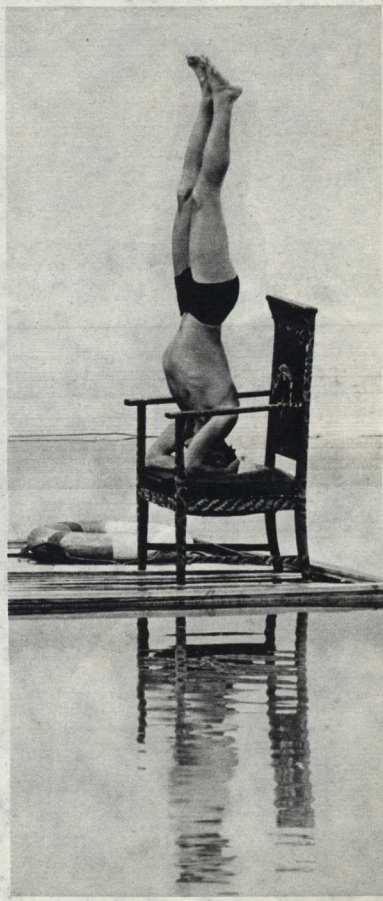
Давдов с утра принимал экзамены в аспирантуре. Потом у себя, в институтском комитете, долго уламывал заурядившегося научного руководителя, чтобы тот

разрешил одному из начинающих вести самостоятельно «бредовый» эксперимент. Затем долго согласовывал и наконец согласовал последний вариант программы семинара по теоретической биологии. Завел в издательство, где вот-вот должен выйти первый том из девяти — труды конференции, проведенной советом молодых ученых еще зимой. И только вечером его крестная «Победа», заруля на горюмовский двор, встала под роняющим пух тополем. Он уже слегка дымился, когда, махнув через несколько ступенек, влетел в горюмовскую комнату, где заседал оргсовет.

Проблемы физической химии волнуют в равной степени не только видного ученого Льва Абрамовича Тумермана, но и его молодых друзей — математиков, физиков, биологов.

Кто знает, может быть, именно в таком положении приходят в голову молодого сотрудника кристаллографии Вадима Брюшкового самые гениальные мысли?

Физики и химики, математики и кибернетики топчались вечерами в этой крохотной комнатенке, где разместился совет молодых ученых и специалистов Москвы. И когда их разговор, больше похожий на спор, достигал своего апогея, Вика, инструктор горкома, кричит, что у нее голова разламывается, и они послушно вываливаются в коридор и там разрешают свои проблемы. А потом возвращаются и тихо говорят:

— Вика, есть идея. Надо проталиковать.

Вика Сочнова, да семеро ребят из московских НИИ, да еще двести тысяч молодых ученых и специалистов комсомольского и околокомсомольского возраста. Немалая сила, которая могла бы объединить ученых различных направлений для решения узловых вопросов современной науки. И как конечная цель большой этой работы — формирование учено-

го нового типа, ученого-организатора, ученого, если можно так сказать, широкого профиля. И давно задуманный семинар по генетике, точнее, по теоретической биологии, — лишь одна из ахв намеченного пути.

К горкомовской затее серьезно отнеслись маститые. Доктор химических наук Л. А. Блюменфельд, доктор биологических наук И. А. Рапопорт и доктор биологических наук Н. В. Тимофеев-Ресовский вошли в научный совет семинара и взяли на себя заботы по подбору кандидатур.

Давыдов нервноичает: осталось два дня. Двести тридцать участников из разных городов. Их надо собрать, разместить, накормить. Это хозяйботы. А есть тематические, методологические и даже психологические. Как-никак, семинар по генетике. Как-никак, в списке приглашенных — большие имена. Математики, физики, биологи, специалисты по кибернетике

Каждая из споривших сторон — член-корреспондент Академии наук из Новосибирска Алексей Андреевич Ляпунов (снимок внизу) и доктор биологических наук из Обнинска Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (снимок сверху) — вольно по-своему относятся к системным представлениям.

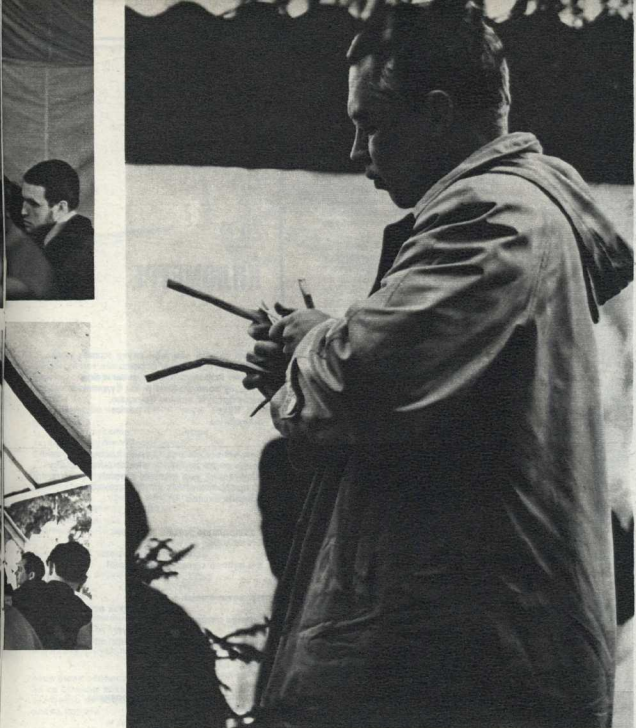
Ночью здесь холодно, но холод, как известно, не мешает думать. И, завернувшись в одеяла, участники сивалозума пытаются осмыслить, — обобщить поток информации, полученной днем.

и радиоэлектронике. Такая масштабная затея проводится горьковом впервые, и еще неизвестно, как все обернется. Вот почему здесь так старательно пытаются предусмотреть все организационные трудности. Правда, там, на месте, на Можайском море, в комсомольском лагере «Восход», все окажется не так, а совсем даже по-другому, но это уже, как говорят, детали.

Сегодня, говоря об общем состоянии наук, прибегают для сравнения к образу зеркала, разбитого на осколки. Узкая специализация развела в свое время науки по разным дорогам. Она способствовала добыванию и накоплению глубоких истин, благодаря ей была создана масса необходимых людям вещей. Но время требует от нас универсализма. Быть узким специалистом в наше время даже как-то уже неэтично. И о чем бы ни заходила речь, научная молодежь в палаточном городке на Можайском море — о внутриклеточной воде, о способах ли переноса энергии в биологических системах, или о

химическом мутагенезе, — смысл всех речей сводился к одному; неплохо бы подобрать все эти блестящие осколки разбитого некогда зеркала и восстановить единую картину мира на приличном современном уровне. Масса знаний о предметах неживых подвела науки и необходимости широко заняться изучением объектов живой природы. Как очевидная задача дня во весь свой рост встает наука биология. И физика, химия, математика, кибернетика уже спешат помочь ей в этом становлении. Правда, не совсем бескорыстно: биология таит в себе большие перспективы и для них. Революция, происшедшая в начале века в физике, ожидается сейчас в биологических науках. И больше всех выиграет в этом перевороте тот, кто первым сумеет создать единый фронт наук.

В комсомольском палаточном городке нет зданий для заседаний. Зато есть сто квадратных метров земли и вбитые в нее деревянные лапки, прикрытые навесом. Еще есть невысокая сцена. А на сцене стол и обыкновенная ученическая доска. Здесь

После ужина в центре лагеря снова собирается народ, и главный поджигатель всех костров и дискуссий кибернетик из Новосибирска Игорь Андреевич Полятев, сидя за огнем, придиричиво выслушивает всех оппонентов.

Лять дней шел, как теперь принято говорить, стик нау. Днем — под навесом, вечером — у костра, ночью — в долгих спорах по палаткам, под дождем, барабаниющим о парусину.

Биология: ее прошлое, настоящее и будущее. Все ученые разговоры молодежи и маститых вертятся вокруг одного. Что должна биология химия? Что — кибернетика? Что — математика?

Биология с трудом поддается теоретизации. Спротивляется приемам математического моделирования. Явления, происходящие в живых системах, не сводятся к физико-химическим закономерностям, безотказно действующим в мире неорганического. И тем не менее уже накладывает руку на живые системы кибернетика. Ищет подходы к органическим объектам математика. И совсем немало сделала для биологии химия.

Наиболее сложная форма движения материи — биологическая — требует системного подхода в изучении. Сегодня это ясно уже всем. Но до сих пор не ясно, что же должно

понимать под системами. Какова должна быть их классификация? И дискуссия, внезапно завладевшая между членом-корреспондентом Академии наук из Новосибирска А. А. Лилуновым и доктором биологических наук из Обнинска Н. В. Тимофеевым-Ресовским, в сущности, так ничего и не решила. Системы управляемые, самоуправляющиеся, управляющие, самоуправляющиеся. Каждая из споривших сторон вольно была по-своему представлять себе, что такое системные представления.

Отсутствие единого языка понятий ставит осязаемые препятствия научному синтезу. И часто спор клубится в мучительном желании пробиться друг к другу сквозь традиционные дебри.

Специализация ограничивает — это ясно. Но не всегда ясно, как ее, это ограниченность, преодолеть. Как преодолеть специализацию и сохранить при этом независимость мышления? Как при настойчивой тиге и слышно собственную свою, добытую в годах труда точку зрения на предмет?

Семинар идет своим чередом. Видный кибернетик и блестящий оппонент И. Полятев, с чьей энергичной руки человечество озоно поделилось на «фрикью» и «лириков», кроет хорошо поставленным голосом своего упрямствующего оппонента. А оппонент тоже не из уступчивых. Оппонент не сдаётся. И спор какие-то мгновения балансирует на грани остроумной перепалки. Но тут вступает в дело семинарский атамада Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский и с редким умением переводит на ясный, человеческий язык любую запутанную сложность восстанавливает нарушенное равновесие.

Семинар идет своим чередом. Биология: ее прошлое, настоящее и будущее.

После ужина в центре лагеря снова собирается народ, и главный поджигатель всех костров и дискуссий Игорь Андреевич Полятев, сидя за огнем, придиричиво слушает сообщество двадцатидрехлетнего математика Юрия Чайковского, применительно теории игр к эволюции популяций. Горит костер, дрова отсвечивают

формулами, Полятев жует мандарины и бросает редкие замечания. И трудно провести четкую грань, что это: отдых? Работа? А под значками, брошенными на доску «альфа больше-меньше бета», сваяются уходящие в историю виды, и кто-то, выдвинувший в математической формуле, дает начало новым поколениям.

А по ночам несли: свою «пленку» страданий: ошалевают от числа соловьев. Висна заткнулась — соловьям завливался весь июнь. Ночам здесь холодно. Ученые жгли костры по низинам или «фрились» у осеню, у завезенного кем-то магнитофона. Магнитофон исходил страстным немому известному шансоны, а ученые смеялись. И Полятев смеялся. И Валерий Аблоков, физик, который интересуется использованием лазера для перестройки живой клетки, тоже стоял и смеялся, обнувшись байковым одеялом на манер римских цезарей: ночам здесь холодно.

В последние два дня дискуссии слово взяла генетика. Под навесом заронили тайны. Загадка веков — наследственность. ДНК, РНК и... белок. Таинственная кислота с трудно выговариваемым названием — дезоксирибонуклеиновая. Вещество, способное передавать наследственную информацию. Нужна не редкая смелость мысли, чтобы взять негроможденные природой травы. Пока что математика беспомощна перед тайной хромосом. И кибернетика неуклюже ворочается в живых системах, и физика с землей еще не могут заглянуть в тайники клетки. Но секрет мутации — ключ к изменчивости целых видов — уже доступен людям, и возможность управления наследственностью вот-вот переключит из сказки в учебник.

Задумчиво стоит под навесом физики-теоретики из Обнинска. Подкидывают генетикам вопросы. Выслушивают ответы, замечают по бровям. Сколько битов переживает целое человечество за право обладать такой могучей тайной?

Корреспонденты по одному уводят магнеты из-под навеса в лес, и там маститые в один голос говорят корреспондентам о том большом значении, которое имеет дело, затеянное московским комсомолом. Что может сделать для биологии наука из представленных здесь наук, покажет недалекое будущее. Что может для биологии комсомол, показало уже сегодня.

Солнце восхо поливает скамполюк. Заседание подходит к концу. И председатель совета молодых ученых и специалистов Москвы Георгий, он же Гадо, он же Игорь, нахваставшись нахвастать свою неслыханную стеганую куртку и голенище «Садис». Мы садимся на скамеечке и смотрим оттуда на затененные навесом скамьи. Там, под рабочим навесом, делают последние сообщения ученые. И от того, что и как они там говорят, возможно, будет зависеть будущее биологии. Наше будущее.

А инча у Игоря осушаются, он порядком устал за последние дни, и не спадает даже бравая еврейская фуражка, натянута на один глаз. Ничего, говорит, навесом делают семинары системного подхода. Вот там действительно будет жарко.

А потом, как и положено в лагере, была линейка. И ораторств, выстроившись у флага, вместе со всеми слушал заключительные речи. Вика Сочнова и семеро ребят из московских НИИ стояли перед фронтом ученых и шурили от солнца. Самым высоким вместе со мной свое дело, и сейчас вот-вот должны прийти автобусы с новой смелой. Эволюция лагеря шла своим чередом.

Александр ГРИН

СЛЕПОЙ ДЕЯ КАНЕТ

Юс, сторож дровяных складов у селки Кипа, лежащего на берегу реки Малет, закусила так платочек, что стало давить под ложечкой, в хорошем расположении духа сидел у сней воды, курил и думал, что, тратя каждый день на еду тридцать копеек, сможетнести каждую субботу в сберательную кассу ровно три рубля, которые, если отсытятся к этому делу нимаательно и любовно, дадут через десять лет сумму в тысячу пятьсот рублей. Юс отводит душу, вспоминает жадное тело да лишения прошлого роскошным прирештом с женщинами, вином, сигарами, песнями и штегами, а на остальные купит трактир и женится. Вот он, победитель жизни, богатый трактирщик Юс, идет в трактир с женой по улице... Все снимают шапки... Бьют барабаны...

Юс, замечтавшись, встал; ему не сиделось более; он хотел еще раз взглянуть на главную улицу Кипы, где будет стоять трактир. На улице, где куры полохались в пылу и в предвечернем солнце деляли оконные стекла, ни души не было, только слепой Дей Канет сидел, как всегда, на лавочке у цветочного павильона жадного вчитателя — в спокойной позе и закрытых глазах слепого было нечто решительное.

Дей Канет жил в Кипах около месяца. Никто не знал,

откуда он пришел, и сам он никому не скавал об этом. И ничего никому не скавал о себе — совсем.

Услышав шаг, слепой повернул голову. Юс этого похранил Дев: слепой был не навострен ему. Как-то раз у дяди Эноха сторож в присутствии Дев распространился о «равных проходимцах, жаждущих есть на шею людям трудящимся и почтенным»; Энох покосился, а Дев спокойно заметил: «Я рад, что совсем не вижу более злых людей».

— Так как же, — сказал Юс умиленным тоном, присаживаясь на скамейку Дев, — вы вышли полюбоваться прекрасной погодой?
— Да, — помолчал, мягко скавал Дев.

— Погода удивительная. Как горы ясно видны! Кажется, рукой достать.
— Да, — согласился Дев, —

Юс помолчал. Глаза его весело блеснули; он оживился, он чувствовал даже некоторую благодарность и Деву за бесплатное развлечение.

— Как неприятно все-таки, я думаю, ослепнуть, — продолжал он, стараясь не рассмеяться и говорить деловито ободряющим тоном. — Большое, большое, и думаю, страдание: ничего не видеть. Я вот, например, газету могу читать в трех шагах от себя. Честное слово. Ах, какая кошачья коронья пробка! Как вы думаете, Канет, отчего в этих горах всегда лежит снег?
— Там холодно, — скавал Дев.

— Так, так... А почему он кажется синим?

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Дей не ответил. Ему начала надоедать эта игра «кошки и мышки».

«Ладно, молчи, — подумал Юс, — а вот сейчас прожолот тебе».

— Вы видите что-нибудь? — спросил он.

— Не думаю, — скавал, улыбувшись, Дей, — да, едва ли я вижу что-нибудь теперь.

Ах, какая жалость! — вздохнул Юс. — Жаль, что через несколько лет вы не увидите моего прекрасного трактира. Да, да! Впрочем, едва ли вы видели вообще что-нибудь, даже после не ослепши.

От собственного злобого раздражения, не получившего отпора, Юс впал в угрюмость и замолчал. Навиз трубка и адымня, он покосился на Дев, сидевшего с лицом, подставленным солнцу. Прошла минута, другая, вдруг Дев скавал:

— Однажды я играл в столичном театре, — сказал, удивленно, Юс урони трубку: Дей никогда не говорил о себе.

— Как-с? Что-с? — растеянно спросил он.

— Дев, мягко улыбуясь, продолжал ровным, веселым голосом:

«...Играл в театре. Я был знаменитым трагиком, часто бывал во дворце и очени любил свое искусство. Так вот, Юс, я выступал в пьесе действе которой приблизительно отвечало событиям того времени. Дело в том, что являю на волосок оттого, не быть никому важному, государственного значения мероприятию, отчего зависело благо народа. Король и министры кобылись. Я должен был провести свою роль так, чтобы разстрогать этих высокопоставленных лиц, склонить их навострен решиться на то, что бы исполнилось. А это трудно, трудная задача предстояла мне. Юс. Весь двор присутствовал на спектакле».

Когда после третьего действия упал занавес, а затем снова шумно завязали, очени показать меня, вызываемого такими аллоцидизментами, какие подобны буре, а я вышел и увидел, что весь театр плачет, и увидя слезы на глазах самого короля, и поняв, что я сделал свое дело хорошо. Действительно, Юс, я играл в тот вечер так, как если бы от этого зависела моя жизнь».

Дей помолчал. В неподвижной руке Юса потухла трубка.

— Решение было принято. Чувство победило осторожност. Затем, Юс, выйдя уже последний раз на сцену, чтобы проститься со зрителями, я увидел столько цветов, сколько было бы, если бы собрать все цветы Милетской долины и принести сюда. Цветы эти предназначались мне.

Дей смолк и задумался. Он совершенно забыл о Юсе. Сторое, угрюмо встал, направившись к своему павильону; хотя летний день, потеряв ослепительность зенита, еще горел над горами блеском дальних снегов, кавалось Юсу, что вокруг глухой селки Кипы, и в самом селце, и над рекой, и вежде стало совсем темно.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

НА 28-м КИЛОМЕТРЕ

И вот сказов сон мой глухо пахнет глина, вода и остывающие сосны... Звенит асфальт. Звенят осы и осм. ...Глушу холодный от росы будильник и городскую землю покидаю, как будто руку, у заграник обожженую, в ледяную

воду погружаю!
Сравненье это в придумяк после, когда опять вернусь в свой литейный. А грузовик уже несетса в поле, от предрастветных капель стеклена, и адыль висков —
рыбны, как плакаты!
Я городскую землю покидаю. Все кинув, все крутые повороты и в кузове спиной запоминаю!

Ну, вот и птички. Слышу, как поют. Солнце встало в 4 часа 26 минут. ...Плыву в холодных литеях по колено. Еленя! Ищи меня в лесех по срезанным корням боровиков.

Ищи меня в лугах по теплым пепелищам от костров. Зари над сними сломяным ветлом. ...Когда мы под забычаную лесой друг друга, как деревья, не стеснялись, — и высота сжимала уны вдруг, и до зарн и зрение и слух в единую гармонию славлялись... Роса и луг!

И к коллцу стрекоза крылом примерзая. Это я в лугу, свои глаза не в силах отобрать н, поскользнувшись, падаю опять! Вытаскиваю поперек дороги и ощущаю сплуск ее пологий. Придурившись, гляжу на муравья через висющую в зрачке соринку. Он мотоциклном лезет

на меня, обвалою завалившего тропинку! И я встало. Работай веселей, двуцилиндровый честный муравей. Уझे орешки и еще кусты, название которых я не знаю.

С 17-го НОМЕРА

«СМЕНА»

НАЧИНАЕТ ПЕЧАТАТЬ

НОВУЮ ПОВЕСТЬ

Аркадия АДАМОВА

«СЛЕД ЛИСЦ ЦЫ»

Безумствуют клесты.

Еще быстрой шагаю.

Орехи падают.

Тверда

росла! Свистит косяк утинный.

А в грузах —

тусклая вода,

затянутая паутиной.

Сейчас направо. Да, сейчас направо.

И вниз. Роса за воротник упала.

Я пуговицу перешить забыл.

Люблю, чтобы одежда

плотно облегла.

Хорошую одежду я купил.

...Оглядываюсь на ходу.

Молчу.

А а-а... черт возьми,

лечу!

И жестяная, ведром полованным —

на перекате, вода

где всегда

стоит астровоенная стая.

Нет, я настоящая

мне это очень трудно передать,

и я начну сейчас писать в прошедшем.

Река была зеленою и плоской.

Ее со звоном вежа расщепляла,

как будто из воды росла береза,

росла береза

и дрожала,

дрожала!

Жерех бил!

Я торопливыми руками

спиннинг расчехлял. Я представлял,

как он идет ко мне рыбаким.

Я размахнулся, и в туман

блесна,

мерцающая,

полетела.

А жерех бил. Выскакивал и бил,

сверкая, как стекло

автомобильное!

И я блесну зигзагами водил.

И наконец

рванула

рыба сильная.

И повела. И вышла. И зевнула.

И в ободок удильщик согнула.

И солнце

заметалось

в ободке,

а рыба все танула и танула

вниз по реке.

Завозюкую, длинную, серебряную,

и вымокла ее и забаргил.

Я закурил и от сердцебienia

адруг ослабил и рыбу оттащил

подальше от воды,

и на траве

остался след.

Я помню этот след:

травы в крови, песок и серебро.

А рыба распорщила перо,

и я узнал ее и крикнул:— Харюс!!

И где-то эхо удивилось:— Харюс!!

Есть реки

темные и теплые.

Харюс

не любит эти реки.

Есть реки!

Чистые, холодные —

над водой каменные орехи,—

вот какие реки

любит харюс.

Лунный харюс —

форели брат.

И когда мосты от туманов гремят,

и дронит песок уже холодный,

и орехи шлепаются на воду,

харюс жирует на зиму,

голубой,

веселый

и голодный!

Вот какую рыбу я поймал.

До чего же мне везет порою!

Я еще немного побросал

и пошел за отмычки к парому.

На воде качался синий жул.

Прыгали прозрачные мальки.

Но о том, что сейчас скажу,

я не думал там,

возле реки...

Мы привыкли узнавать о подлости,

Мы привыкли

к радиоактивности,

не теряя веры

в разум века!

Мы почти что ко всему привыкли.

К одному

не сможем никогда —

это светлая

каменная вода

и ветла, что к зарезу приняла!

И березы,

белые,

как будто

из земли всполоа молоком.

И косяк

голубоватых уток,

в камышах

свистящий

сказовником.

И дорога

вся в следах коровьих,

с раскаленным

солнцем

в изголовье.

...Этот мир,

нетронутый, нетленный,

среда безумных и слепых миров.

Ищи леса,

в лесах,

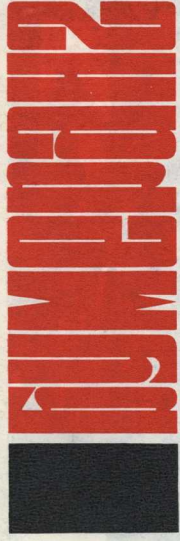
Елена,

по теплым

пепелищам

от костров.

TOWN
СТАУН, АНГЛИЯ

УБИЙЦЫ НА СОДЕРЖАНИИ

Небольшой отряд отбыва-
да в Венгрии. Бывшие
цы и французы с мрачны-
глазы и мутными мусорчатыми
лицами. Они сидят на
железных стульях, сплетая и
с разрывом, который вместо
мало, продолжалась почти
десять. По соглашению им
то старались в смысле, но
они росли три месяца, но
никто совсем не остался
дальше продуктов, комиссар-
ль, голландцы и немчане.
ние после долгого пребывания
прислани о боях действиях
шло время двинуться и до-
доставлять выгоды и до-
доставлять выгоды и до-

люди — немцы, и
Фюссиг стар, как сама
отделя (а как много) танко
люди, как Робер Дингар, 38
вместе и был одним
сих пласас (парашюти-
ствосветинном). Он уч-
кампетных, француз после
рольно, в Аланды и теперь
полно, в Фриланг, Дуглиан
не любит казнить, свои фа-
по немцам: Дингар — испро-
в этом великом, хотя и
примка в Кого из Валь-
ной. Он сдерживался к
Чем, пришедшая, терре Чар-
се, Дингар, ему больше тр-

са быть осторожны. Органи-
другой член отряда, Лис-
зель, который отказался
ушла потому, что его зовут
сидеть по ночам все запла-
сился со мной встретиться.
Он сказал, что повозник мне
месте встреч. И назвал
омандином, что Ринки по-
звонит мне, но напросно.
Кто позвонил и, Удестр-
сил Трубу. Я работал, еще
одну ночь, и слова напрос-
Ринки уехал за границу.
принимала веру, что то-
что сохранял, свои тайну.
Европы принадеждат и «Ор-
есть. Это действительно
от врагов они поддарили:
швейц, Чюна пошло примет
дела, и много, и быстрее,
снортеры свободны от рат-
важные, кто прямо го-
тание к бою, немцы коэф-
летят от 100 фунтов стер-
800, если не больше, чем 100

и как выкрутить дорогу,
рацией и укрываться от ли-
ониче, и много боя, от
на их дело. Он редко вые-
защиты, но это! Они просто
получают 5 тысяч фунтов
у знаменитому команди-
денгичи. И самое главное, что
Собойшот, что готов к его
зависит от том, чтобы до-
работу, после боя, правде
оборуды, Аланд или вылазе-
вает, как правило, то по-
ть, матеиномы, который
поступают в Организацию
через швейцарский банк.
опытного швейцарского офи-
жет связаться с «Организа-
швейц, Чюна пошло примет
дела, и много, и быстрее,
снортеры свободны от рат-
важные, кто прямо го-
тание к бою, немцы коэф-
летят от 100 фунтов стер-
800, если не больше, чем 100

Робер Дингар собирает «багаж». Пришло время исходить по-
вых холма.

Собойшот, пришедшая, терре Чар-
се, Дингар, ему больше тр-

«СВОБОДНОМУ МИРУ» О СЕБЕ: РАЗОБЛАЧЕНИЯ ПРИЗНАНИЯ

лийских и французских на-
поддерживаемый, ропнать
распутания. Имя публициста
мывание через швейцар-
застреланы. Если навание
получат 5 тысяч фунтов
страховки. В Риме имен-
денгичи. И самое главное, что
Собойшот, что готов к его
зависит от том, чтобы до-
работу, после боя, правде
оборуды, Аланд или вылазе-

Их знаменит Робер. Ди-
в Риме. Здесь он командо-
мента, и Робер Дингар, 38
мат, поддерживаемый нем-
маг на самом деле, до 100
хидется охраня на десять, до
Зубе воружены солдат.
Фюссиг стар, как сама
отделя (а как много) танко
люди, как Робер Дингар, 38
вместе и был одним
сих пласас (парашюти-
ствосветинном). Он уч-
кампетных, француз после
рольно, в Аланды и теперь
полно, в Фриланг, Дуглиан
не любит казнить, свои фа-
по немцам: Дингар — испро-
в этом великом, хотя и
примка в Кого из Валь-
ной. Он сдерживался к
Чем, пришедшая, терре Чар-
се, Дингар, ему больше тр-

«СМЕНА:

Английский буржуазный журнал «Таймс» имеет еще одно
та миссия. Для муженьки. Миссия
с плохо сорной симпатией. Ведь зоват — муркося запо-
ние, как в зорель, спрашивается то имр, где все прода-
сама война, не случайно наша сторона сама широкое
применение в свободном мире. Для борьбы с равло-
ционными движениями, для поддержки прогнавших и раз-
авноапохисе равном хозяевам этого мира мучени таме
знаменит, люди, способные убивать и грабить без позва-
баний. Лишь бы платили. Этих лядасинов гразных войн
можно встретить сегодня всюду, где народы поднялись
на борьбу за свою свободу и независимость. Непомини не
они понимают, что мне, как поделавши, их не назовши.
Но именно на них делают ставку лобборники колониаль-
ной «свободы». Ясно, что и эта ставка наверняка будет
бита.

итал и был не раз ранее.
ны — следы прошлых бата-
Дингар, как в аспирин.
кто я могу предположить — го-
нов, что я знаю, мой един-
Карлос профессор.
не пытался объяснить при-
короткий — девять.
Менее, У лето на это тол-
пункте в Риме у меня
Боял, 28 лет, с лег андир-
дальше, и Робер Дингар, 38
прошлом симпатично.

ИВР по словам Британских
Боял, 28 лет, с лег андир-
дальше, и Робер Дингар, 38
прошлом симпатично.
ИВР по словам Британских
Боял, 28 лет, с лег андир-
дальше, и Робер Дингар, 38
прошлом симпатично.

МАЙЛ МАНН
предложит еще больше.

МАЙЛ МАНН
предложит еще больше.

дети не рискуя пропустить

милана и смерти, и президент

с буржуазными идеями и не пропуская их. И тут

иногда не удается избежать этого

«ЛАЙФ», США

В Америке происходит

...иногда не удается избежать этого...
...иногда не удается избежать этого...
...иногда не удается избежать этого...

«БЕСКРОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

И не может бездействовать...
...иногда не удается избежать этого...
...иногда не удается избежать этого...

СМЕНА:

Американский журнал «Лайф»...
...иногда не удается избежать этого...
...иногда не удается избежать этого...

«Молодежь посылается больше не хочет молчать»

Молодежь посылается больше не хочет молчать...
...иногда не удается избежать этого...
...иногда не удается избежать этого...

«Молодежь посылается больше не хочет молчать»

...иногда не удается избежать этого...
...иногда не удается избежать этого...
...иногда не удается избежать этого...

КА ЖИ ТО

1

Один сидел на невысоком приступке под вывеской «Прямое стеклопосуды». Правая штанна его была подогнута, завернута до коленки, и согнувшись, он что-то делал обими руками с этой голый ногой. Вторую, очень широкоплеченную, зинбо притопнул вплотную к приступку, и дощатый приступок вплотную отвалился попусто. При виде Стрелетова второй голову, и снова склонился, согнувшись над своей странно выгнутой ногой. Специспользовать считанные минуты, на которые удалось опередить «Скорую». Стрелетов почти бегом и двумя фигурами, угрожающе черневшими среди ослепительной белизны. Снег отрывисто завывал под сапогами, и, как при наезде инномарки, множился и вырастал подробностями пирамиды пухлых вышек у боковой стены палатки, отбитый уголком вывески, поднятый барашковой воротники широкоплечего, раскисшие попы палатки, оттого что минимия луповца была оторвана с массой... Но тут зрениа сменилась, стигавшая в центр, и вот оставались только тот, согнувшийся, потухшая палироса у него во рту, металлические отсветы на спибах кожаной куртки, обвисане, нам у большой собаке, уши пыжиновой шапки, странно выгнутой ногой, руды нам ней и красные пятна на свемельпавшем снегу, казавшиеся тепнее оттого, что они дождаи в протажавших лаубенках... Ибо то, что породило их, было теплое, и это теплое была кровь...

* Закон суров, но таков закон (лат.).
«Душа их, абы их» — расколка из того-то и печатки владательстве «Молодая гвардия» книги «Содетия в силх синьшавк». Публикуется с сокращениями.

— Здравствуйте, — сказал Стрелетов. Мазиминальное это словечко, внешне пригодно для всех видов человеческих астрех, но, невидимое, само собой идянуло у него с языка, хотя он не знал, что оно анист тут на кончике, и вовсе не думал, какие слова произнесет, неслет до ослепительн.

— Я ваша тетя, — отозвался тот на стрелетовское «здравствуйте», сказал, почти не разминая губ, между которыми лепилась злыбчат палироса. Прозвучало даме не пренебрежительно, а скорее равнодушно, потому что он был самым занатем своим. Стрелетов только сейчас понял, что он делал набейрал пригосиии снега, осторожно приглядывая и ногой и глазами, как он быстро набуркает и разовлет в ладонях.

— Часто дыша, подоспел оперуполомоченый Опенин.

— А стреляла? — спросил, — сам себе доломил он, осматриваясь. — Где стреляла? — Ничто не ответила. Сидевший отгил ладонь от ноги, медленно согнул заочневыше пальцы, снег силался в ребристый розовый комом, он отбросил его в сторону и снова зачернул из сугроба.

— Там, — наконец сказал он, мотнув ушами. — За углом.

Вид, что больше ничего не услышит, Опенин рывкой пустился за охрану места происшествия, что в такой глухой час означало просто стоять поблизости, чтобы какой шальной прохожий не натоптал, где его не просит.

Секунды уносились с той неудержимой быстротой, с какой приближалась «Скорая».

— Кто это вас? — спросил Стрелетов.

Руды сидевшего задергались на миг в своем движении.

— Не знаю.

— Вы не видели его, что ли?

— Видел.

— Совсем неизвестным человеком? — Угу.

— Черт знает что... Из-за чего? Еще один розовый комом канул в пухлый белизны.

— У него спросите.

Стрелетов испытующе бурвал взглядом меховую манушку.

— Была драма?

— Не месторождо диннул и скрипнул зубами.

— Иничной драмы не было, — сказал он. — Ничего выдумывать.

— Там не пойдит, — лихорадочно думал Стрелетов. — Так ничего не выйдет.

Он повернулся к другому.

— Вы были при этом! Расскажите, что произошло.

Другой стоял почти спиной, не слушая глаз с перерягиста, и равномерно постукивая ботинком о ботинком.

— Ничего не произошло, — бурнил он.

«О, черт... Будто я не понимаю, как он нужен врач, а не следователь!»

— Что-то все-таки произошло. Что-то произошло до того, как он выстрелил. Он станет человеком, стрелить с бухты-барухты, если он нормальный.

— Значит, этот ненормальный, — ормнулся стоявший.

— Слушая, — нетерпеливо сказал сидевший. — Он меня толкнул. Он шел навстречу и толкнул меня. Я его обомлю, и тогда он выстрелил. Вот все. Понят?

— Понял. И потом?

— Потом он убежал.

— В упор?

Стрелетова выводили из себя тгловые паузы.

— Пальну-то? Нет, отошли шагоческолько.

— Как он выглядел?

— Не помню.

— Гибло дело. Пойдт туда, не знаю куда, принесите то, не знаю что.

— Снова воззвал к широкоплечему.

— Какой он был? Рост, возраст, одежд?

— Не обратил внимания.

«Только не раздражаться. Раздражаться некогда. Наверно, я что-то делал не так...»

— Не повяло вам, — сказал он. — Да еще в ночь на воскресенье. Мало нам было муляжи, теперь завелись лиски с пистолетами.

Брызг, призывая что-то наладить, повила иннен не принятая и не поддеманная. Она только усилила отчуждение. Было так, словно Стрелетов сказал бестычность.

«Что я такого сказал?»

— Впервые за весь разговор сидевший поднял голову.

— Вася, — позвал он. — Подижу на улице. Как бы мне не промажули.

Он добавил еще что-то, чего Стрелетов не расслышал, и широкоплеченный хожю диннул в сторону, противоположную той, где скрылся Опенин. Стрелетов, сиюминутной невозможностью за своей невведомой промах, упустя момент, когда можно было просто опинуть его, остановить. Ничто не должно отлучаться с места происшествия. Но что же теперь — самсететь, бежать следом! Ковелебас, он проводил глазами уадишущуюсь спину с поднятыми барашковыми воротником.

«Глухо. Все мидт глухо».

Где-то по пустым улицам мчалась «Скорая».

Стрелетов обернулся и сидевшему, и тут ударил спол света. Это Сашина поставил машину поперек улицы впритык и тротуару у вешелки Фары, чтобы Стрелетову лучше видеть, что и чему. Сашина слубил знал. И Опенин, и слубил знал. Только он, Стрелетов, свалла дурана раз и другой.

— И черту! — сказал он, разозлившись, и был в карман.

Там был платок — один из тех, что казались ему слышном большим и местными. Но сейчас это было место. Стрелетов присел на корточки, близко увидев завернутой в белое одеялом красной носки, редкие черные волосы, местами слышлись, не-станн стоявшие димом на холоду, и почувствовал запах норои, которую

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО

модно впитывал снег. Решительно отнял он от рамы онемевшие ладони и стал накладывать жгут чуть пониже колена; сидевший длинно матерился и стискивал зубы, когда было невтерпёву, но не сопротивлялся, спасаясь перед быстротою натиска. Потом Стрелетов принес два пустых ящика, один упер в стену за его спиной, чтобы можно было прислониться, второй поставил на пол, проведя, нет ли гвоздей, и пошёл на это возвышение раненую ногу. Красные струйки поплзли теперь и колени, но они были уже медленными, кровь сочилась тонкими, слабыми, и раненого это успокоило. Он со вздохом перевернулся и сплюнул размокший, изжеванный окурок. Стрелетов проглотил сигарету. Тот поглядел на свои раны в крови и смеху, облизнул губы и сказал:

— Давай.

И Стрелетов вставил сигарету ему в рот, дал прикурить и закурил сам. Он увидел его лицо — скуластое лицо с большим хрящатым носом и глазами, упорядоченными в щели от резкого света фар.

Теперь они сидели на приступе ящиков, и Стрелетов знал, что как можно скорее надо снова спрашивать эту сосредоточенность его на истекшую новую ногу. И тут они услышали «Скорую».

Лария увезли. Сашка выключил фары. Надо было идти и Опонину. Но Стрелетов чувствовал, что не может оставить все, как есть. Веди придет утро...

И только тут Стрелетов понял, что широколепный Васа не вернется. Что он непрост урал.

«Ничего себе дружок! — подумал он. — Милейший парень. И такой разговорчивый. Ничего, видите ли, замерзает ноги. Некогда ему было стоять на утлу. Побоялся греться. Да он, по-моему, и не собирался возвращаться. Он...» Но тут Стрелетов оборвал себя, потому что у него порогом сознания попиши-

лась некая злая мысль, мысль, которая была не ко времени и путала карты. «Ладно, это я додумал после». Но вот о чем он не мог не думать — это о своей ошибке. О том, какого он свалил дурака. Как упустил свидетеля, который был сейчас совершенно необходим.

Он двинулся и Опонину, являсь и разнесо себя на все норки. Он считал, что виноват во всем сам, что при умолов обращении от этих двоих можно было чего-то добиться.

2

Переулок спал, заваленный сугробами, полный лунного холода и дикой от окранный тишины. Кривой, глухой переулочек с обделанной водоразборной колонкой, мутноглазыми домиками и старыми деревьями.

Тротуар, отгороженный мощными снеговыми хребтами, стиснулся до узкого прохода. «Вскрела тут будет картошка, когда все потечет!» — нехотая подумал Стрелетов и увидел Опонина, который привычно подергивал стоек, как лошадь, и вскинулся на стрелетовские шаги.

Ага, вот оно! Вот где это произошло. Домиком такой же точно, как остальные. Конек крыши, начавший темнеть под первым мартовским солнцем, провис посередине, словно на трухлявой спине. Стеклом блеснит градьё, сосулек там, где положено быть водосточной трубой.

Отсюда начался кровавый след. Здесь было место преступления. Ищущим, интересным взглядом увидел Стрелетов илом, тротуара, который отныне так назывался. Он уводил путаницу мужских следов. Увидел вмятину в снежном хребте — здесь парень упал, когда в ногу влилась пуля. Увидел утлу, увеличенную белым холмом, пологую на станинчике с пломбиром. И все.

Нужны были ничего? Где же безмолвные свидетели, где улики, которые дали бы хоть малейший толчок дальнейшим поискам и догадкам! Их

не было. Пригнувшись, от напряжения, шагая и шагая Стрелетов глазами, ухватился своей слепоты. Штангетный забор, урна, алая патла, беспорядочные следы, вмятина. Снова: темные штангетные палсадина, урна в белой шапочке, кровавые патла, продвигающая винтика с осыпавшимся краями...

Но вот что-то дрогнуло, струюность то ли в нем самом, то ли в очерченных вещах, и Стрелетов показалось, что он медленно, кругами начал сдвигаться над полоской тротуара, заматов между палсадином и сугробом. Масштаб зрения изменился, границы раздвинулись, штангетный забор уходил все выше вертикальной стеной, отпечатки подошв — выстраили в обширные вмятины с призматическим рельефом, а урна вымалась, как дощан. Крошечное и пустое дощане пространство широко расслахнулось и захлестнуло Стрелетова множеством предметов.

Тут были окурок. Нусон Бечкино, заваленный утлу. Тут была прозрачная конфетная бумажка, и приподнятый край ее бросил на снег едва заметную розовую тень. Тут была цепля с севским продольным клапаном. Три обрешетки спички. Полузанесенный спичечный коробок. Обрывок газеты, пригвозженный и поцарапанным урны смержившим плавком. Неясно, требовало, чтобы он шагала происхождение по одной из штангетин, — результат проглотил какой-то собачонки. Мандариновая коробка, расплавленная набулкой. И все это вызвало и Стрелетову, чтобы он шагала происхождение каждой каждой и все сопричастности к событиям, все тишине из ничтожного мусора превратиться в вещественное доказательство, в улику... Он выбрал пустое весточно, куда можно было встать, и шагнул в расширяющуюся перед ним миниром. С чего же начать?

Может быть, со щепки? Ее могла зацепить от забора пуля. Преступник мог зацепиться за нее и оставить там

кусочек тчани или хоть нитку. Долго забрался и вновь ополаск по штангетным свет марганного фонаря, ниша ответа. Нет, щепка попала сюда случайно.

А тут газетный клочок? Эта серия, чуть нелеблмая воздухом плоскость, зароможденная грядями строа, ограниченная извилистой линией отрыва? Она говорит что-то, но говорит о другом:

и пришла
летным по
и — стан
вода
ем все возможности...

Спотыкался в обломках слов, добрался Стрелетов до конца и остановился. Нет, нунна какая-то система. Все это можно назвать сутками. Нужен принцип дальности.

Он подумал о времени. О времени, которое всегда и всегда оседает на земные пластины. Надо отделить от громады времени тончайший слой по которому галса. Поможет снег? Он перестал идти часа полтора назад. Он начал чистую странуку, из которой заплетались письма этих шести-десяти минут. Значит, все, что выступает над-под ногой частично или обманливо лишь потому, что оказался изуродованным верхним порром, принадлежит прошлому и не должно приниматься в расчет. Стало быть, не нужны ни щепки, ни спичечный коробок, ни мандариновая коробка, видная оттого, что на нее наступили. Займемся тем, что может иметь значение.

Окурон «Беломора» лежит восстановленным в переминуту и неокруренной сигарете. Он изжеван, превращен в бумажные лохмотья, которые курят, не вынимая из рта, и потом не находят, а следуют то, что осталось. Кем доводится ему сосека-сигарета? Сволн их вместе время или только утлу, продолжаящая слушнть символон, притягивающая сор? Пожалуй, они совмещают оба совсем одинаково — едва заметно — при-

— Некая злая мысль, но попишась. Стрелетов подосел ко рвеша, что додумает после.

— Не знаю. Кромова у второго петершевского и сыривал до восресенья. А позавчерашний он давненько. Ковров пошел в Кресты. Кромова тогда тот судился за бандажит. Совместительным старшим свидетелем, на границе татуировка была беспечная, вы же не плачущие сосульки, трюгазы ступаю курялись и в одиночку ружейка. Местовая вонюг соробор потела, они выжили в Кресты. Кромова тогда тот чтобы не отнять ни одной ириски у восточного, тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

10

Всена зачалась праздничная, сверляющая, аэроиндустрия. Перевалило за середину дня. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

11

Неделя прошла. Савелов не появился.

12

Опознание — одна минута, один пристальный взгляд. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

— А вы полагаю, что для избавления вас от муч душевных жизни Савелов будет подвигаться вам антипсихиатрически. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

11

Неделя прошла. Савелов не появился.

12

Опознание — одна минута, один пристальный взгляд. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

Коротко передокумента мадестра. Савелов вмянул, набрал воздуха и прошептал разочарованно примчоную.

13

«И буду в рангоде до двести» — сказала Савелову Кромова. И это было все. Последняя шанс, который был дан Савелову. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

— Вот уж так, — Савелов вынул, — Савелов тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

14

«Хотите, верьте, хотите, нет» — сказала Савелову Кромова. И это было все. Последняя шанс, который был дан Савелову. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит. Кромова тогда тот судился за бандажит.

13 суток 8 часов 46 минут...

Вот сколько потребовалось времени, чтобы посмотреть все ленты, представленные 67 странами на IV Московский международный кинофестиваль.

688 репортеров, аккредитованных при пресс-центре фестиваля, на всех языках мира уже рассказали об этом большом событии в мировом киноискусстве.

В блокнотах корреспондента «Смены» — интервью с самыми молодыми звездами Московского фестиваля.

Фото М. МУРАЗОВА

МОЛОДЫЕ ЗВЕЗДЫ

Ольга Шоберова из Чехословакии и советский кинорежиссер Борис Юрченко сразу нашли общий язык.

Их подружила Москва: Тери Горди из Будапешта и киевлянку Софьяну Кошкину.

ЕВА КШИНЖЕВСКА
(ПОЛЬША):

— Я рассказываю об одной встрече — с Тамарой Макаровой.

«Не помню откуда, — сказала мне Макарова, — но ваша фамилия была мне знакома еще до того, как я увидела «Девушку из бани» и «Пепел и алмазы».

«Вплотную, — ответила я, — когда-то я заспала вас письмами с просьбой прислать фотографии. Но...». Видно, почтовые неурядицы...»

Впрочем, дело не в этом. Я встретила человека, который многие годы был моим кинематографическим кумиром.

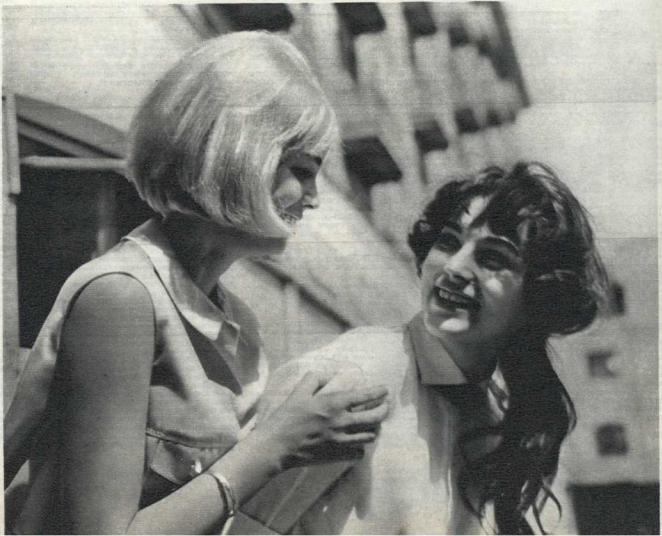
АННА КАТРИН БЮРГЕР
(ГДР):

— Я снималась в семнадцати фильмах, работала с выдающимися мастерами немецкого кино. Но мне на всю жизнь запомнился один ассистент, вовсе не мастер...

Впервые я встретилась с ним в театре — он провалил меня на инкурс. Затем он точно так же поступил, когда я хотела попасть в театральную школу. В третий раз...

Кинорежиссер Герхард Кляйн остановил меня на улице: кажется, я подходящая «стилка». Я пришла на студию. В комнате Кляйна находился все тот же ассистент.

«Будете играть эту», — сказал Кляйн. — Да, вам ухаживает этот человек. (Он инвинул в сторону ассистента).

Они приехали из ГДР — Моника Войтович, Клаус-Петер Тиле и Анна Катрин Бюргер.

Марио Адорф (Италия) и Эрвин Гешонек (ГДР). Марио мы видели в фильме «Кто вы, доктор Зорге?», а с Эрвином нас познакомил многосерийный телефильм «Совесть пробуждается».

Ева Кишжеска — звезда из Польши.

НАДЕЖДА РАНДЖЕВА (БОЛГАРИЯ):

— Стало традицией, что в наших конкурсных фильмах дебютируют непрофессиональные актеры. На прошлом фестивале я познакомилась с Руминой Коробовой. В то время она училась на химическом факультете. Я тоже студентка. Училась на Филологическом. Стану ли я настоящей актрисой? Не знаю. Но тем не менее вместе с Руминой снималась в фильме «Мужчина».

ОЛЬГА ШОБЕРОВА (ЧЕХОСЛОВАКИЯ):

— Фестиваль — это очень серьезно. Правда, ведь? Но вот фестивальная шутка. Я разговаривала в холле гостиницы «Москва». Мой собеседник был высок, смугл, с черными усами. Почесали он говорил с трудом.

Стуча шпильками по мраморному полу, и нам подбежала девушка со значком «пресса». Она сразу же атаковала моего собеседника.

— Спросите у нее, это значит у меня) о творческих плахах. О том, что больше всего ей (это значит мне) понравилось в Москве. Я отменно понимаю вопросы, но отвечаю по-русски, мне еще труднее. Мой собеседник вырывает, тем более что девушка-журналистка наступила именно на него. Он подолгу подыскивает слова. Но зато самые верные.

— Вы плохо знаете чешский?

Девушка явно обладает заведомой настырностью.

— Здорово подзабыл.

— Но переводите верно?

— Стараясь.

— Имейте в виду, вы не совсем ответственные за правильность перевода. Кстати, как ваши имя и фамилия?

— Григорий Чухрай.

СВЕТЛАНА КОНОШКИНА (СССР):

— В новом фильме «Гибель эскадрона» я играю роль Оксаны. Это моя первая работа в кино. Думаю, что и следующую фестиваль я снимусь еще раз. И — кто знает — может быть, в фильме, который будет представлен на конкурс.

ТЕРИ ТОРДАН (ВЕНГРИЯ)

— В Москве я первый раз. Счастливая, что увидела вашу столицу. И фестиваль — самый представительный кинематографический форум.

ИНТЕРВЬЮ «С М Е Н Ы»

В июле в Москве проходил турнир сборных молодежных команд страны. Цель его — более чем 140 юных футболистов отобрать 40 самых лучших, самых талантливых. Эти сорос «избранников» не старее, чем в 19 лет должны составить молодежную сборную команду СССР, с которой в течение наших тренировок. Для отбора кандидатов в сборную был создан селекционный комитет. В него вошли лучшие советские специалисты и спортсмены. По окончании турнира корреспондент «Смены» задал по три вопроса членам селекционного комитета заслуженным мастерам спорта Николаю Петровичу Старостину, Константину Ивановичу Бескову и Льву Ивановичу Яшину.

ТРИ ВОПРОСА

1. ВЫ ОТДАЛИ СОВЕТСКОМУ ФУТБОЛУ ЛУЧШИЕ ГОДЫ СВОЕЙ ЖИЗНИ. КАК НАДЛЕЖАЕТ ВАШ ВЗГЛЯД, НАШ НЫНЕШНИЙ МОЛОДОЙ ФУТБОЛ?
2. ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ МОЛОДЫМ ФУТБОЛИСТАМ?
3. ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ У НАС БЫЛИ СВОИ ПЕЛЕТЫ?

ДЕВЯТЬ ОТВЕТОВ:

К. И. БЕСКОВ

1. Я вспоминаю свою молодость. Играл в уличной команде. Потом на первенство Москвы по легкой атлетике (сейчас такой даче нет), потом за вторую команду завода «Серп и молот» и лишь несомненно лет спустя попал в дубль команды мастеров «Металлург». Тогда я видел много талантливых ребят, но в большой футбол приходили единицы. Слышное мнение было отсюда, как говорится, по объективным причинам. И сейчас то же самое. Мы непосредственно тренируем таланты.

2. Ребята знают тактику, прилично владеют техникой, но не умеют творить. Механические действия приводят к монотонному футболу. Как правило, это происходит из-за того, что тонкости игры молодежи poznat очень поздно — в командах мастеров, а не на более низкой ступени.

3. Пеле играл за сборную Бразилии в 17 лет. Мы должны стремиться, чтобы и в нашей сборной были такие же юнцы. Рихтер — великий пистолет, но ведь, несмотря на свой огромный талант, он учился в школе, потом в консерватории. Ини вообще балет Большого театра. Все приращивали — выпускники хореографического училища театра, своего рода «балетной академии». Вот и футболу нужна своя «академия» — венец разветвленной системы футбольных школ. Она и должна готовить, шлифовать талант наших Пеле. Только так и нужно туда принимать, ибо лучше 200 гусей, чем тысяча воробьев.

Л. И. ЯШИН

1. Мы, футболисты, много играем и редко смотрим. А смотреть, даже «зеленым» молодежи, очень полезно. Я не видел на этом турнире звезд, но хорошие ребята, безусловно, были. То же и в молодом футболе вообще. А от хороших до отличного и посредственного по одному шагу. Все зависит от тренеров и самих ребят.

2. Фанатизма, одиричности. Без этого нельзя играть футбол, можно лишь проводить с ним время.

3. Работать. Искать. Пробовать.

Кубинская киноактриса
Лидия Грандов.

та.) Меня интересует, как вы будете себя вести в такой ситуации? Нужна определенная искренность».

Итак, эдак, Ассистент обнимает меня, и я со всего маху даю ему оплеуху.

Клима устроился и моя искренность и мой темперамент.

ДЕИЗН ГРАНДОВ (БУВА)

— Примо с фестивалем я отправился в горы Сьерра-Маэстра. Как раз туда, где когда-то был штаб Че Гевары. У ваших ребят — целина, у нас, студентов национальной школы искусств, — двухмесячная работа на плантации.

В ожидании кинозвезд...

НАДЕЖДА БОЛЬШОГО ФУТБОЛА

1. Все движется вперед, в том числе и советский футбол. Наша теперешняя молодежь по своей техничности и тактической вооруженности, безусловно, выше той, которая была, скажем, 10 лет назад. Это бесспорно. Достаточно посмотреть на танки футболистов, как Мунтин и Вышевец (Украина), Асатшани (Грузия). Не случайно ведь приз журнала «Смена» лучшему вратарю турнира все члены селекционной комиссии единогласно присудили Валерию Витюку из Винницы. Завяцetto, не из Москвы или каиного-нибудь другого футбольного центра, а из небольшого города, никогда не славившегося своими мастерами. А вот еще пример. Лучшим полузащитником признан душанбинец Владимир Гулимахайдаров.

2. Боюсь, не помешает ли у них любовь и футболу, чем было в свое время у нас. Усердия и трудолюбия — вот чего хочу пожелать я всем молодым футболистам.

3. Видно, нужно подумать о каникто новых, прогрессивных методах работы. Это большой разговор, неслыхо было бы «Смене» — журналу для молодежи — и начать его. Возможно, не один раз нам придется ошибиться, многое перепробовать, но правильный путь мы обязательно найдем. Будут у нас и свои Пеле, обязательно будут.

Из дебютантов — в сборную СССР. Анатолий Башниевский атакует ворота Бразилии.

ДЕБЮТАНТЫ 1965 ГОДА

Первый удар по мячу в молодежном турнире сделал Лев Яшин.

Первый матч судил Н. Латышев.

Александр Раковский — приемник Льва Яшина.

Алексей Исаев — новый полузащитник тольского «Динамо».

По окончании прошлого футбольного сезона наша редакция совместно с Федерацией футбола СССР наградила почетным жетоном «Смена» одиннадцать лучших дебютантов команд мастеров класса «А». Награду получили представители десяти клубов (бакинский «Нефтчики» был представлен двумя игроками). Какова же нынешняя судьба этой талантливой молодежи?

Радует уровень мастерства многих наших прошлогодних избранников, оказавшихся не «калфирами на час», а серьезными, вдумчивыми спортсменами. Прочно закрепился в основных составах своих команд бакинцы Анатолий Башниевский (удачно сыгравший за сборную СССР в памятном всем матче с Бразилией) и Сергей Крамаренко, московский динамовец Юрий Апушкин, тольмисец Вахтанг Рехвиашвили, ростовчанин Алексей Есков.

А на смену им идут новые дебютанты — кандидаты на призы «Смена» 1965 года. Их много, куда больше, чем в прошлом сезоне. Начнем, как водится, с вратарей: Лев Кулаков из ЦСКА, Геннадий Агурьев — «Крылья Советов» (Куйбышев) и 19-летний Александр Раковский, очень удачно заменивший в московском «Динамо» «самого» Льва Яшина. Среди защитников прежде всего назовем московского армейца Николая Антоновича (известного в прошлом футболиста), Петра Лузина из донецкого «Шахтера», Владимира Штапова из московского «Динамо». В полузащите наилучшее впечатление производит тольмисец Алексей Исаев, ознаменовавший свой дебют отдаленным голам.

Открыл счет забитым мячам и многие молодые форварды: ростовчанин Юрий Бордовских, киевлянин Виталий Дровецкий, одесит Валерий Паркуян, воспитанники киевского «Динамо» Станислав Бисенко и Анатолий Палакчук, ныне выступающие за донецкий «Шахтер». Два мяча провела самый юный дебютант нынешнего первенства — 18-летний кутаисец Мераб Асатшани.

Футбольный сезон в разгаре. Он откроет нам много новых имен молодых талантливых футболистов. Среди них, несомненно, будут и участники прошедшего в июле Московского турнира сборных молодежных команд, почти сплошь состоявших из «далеких и близких надежд» советского футбола.

КРЫЛАТЫЙ БРАНДСПОЙТ

Мы ждем самолет, и все же его появление застаёт нас врасплох. Самолет проносится над самым кроном деревьев. Я едва успеваю щелкнуть затвором фотоаппарата. В тот же момент раскрились створки поплавков, и на лес обрушились потоки воды. Этот грандиозный душ почти не задел нас — мы стоим на краю лесного пожара.

Идут очередные испытания лесопожарного самолета АН-2П, созданного в конструкторском бюро Олега Константиновича Антонова.

От моего спутника Володи Боровнова сейчас завистит многое; он должен с максимальной точностью навести самолет на линию огня. У

него портативная рация. Я слышу его голос:

— Патрульный! Патрульный! Я — «Камелия». Попадание отличной! Следующий слив по тому же курсу на 70 метров впереди.

Это значит, что за один заход лимандировано 70 метров огневого фронта.

Через три часа после высадки Боровнова пожар, вспыхнувший на площади в 11 гектаров, ликвидирован. Без самолета на этом участке сорок человек работали бы без отдыха двое суток.

А крылатый брендспойт уже торопится к новому очагу. Ведь каждая вынужденная усадка — это

кубометры и кубометры спасенного леса. А пожаров много: прошли сухие грозы и запылили тайгу.

...Машина снимается на ближайшее к пожару озеро. Коснулась воды. Скорость 50 километров в час. Первый пилот-пожарник Валерий Бобров нажимает кнопку «Забор воды» — в открявшиеся створки поплавков устремилась вода. Я чувствую это по едва заметному «влеву» самолета. Проходит секунда... пять... семь. Самолет увеличивает скорость. Поплавын заполнены — на маленьком пульте вспыхнула контрольная лампочка.

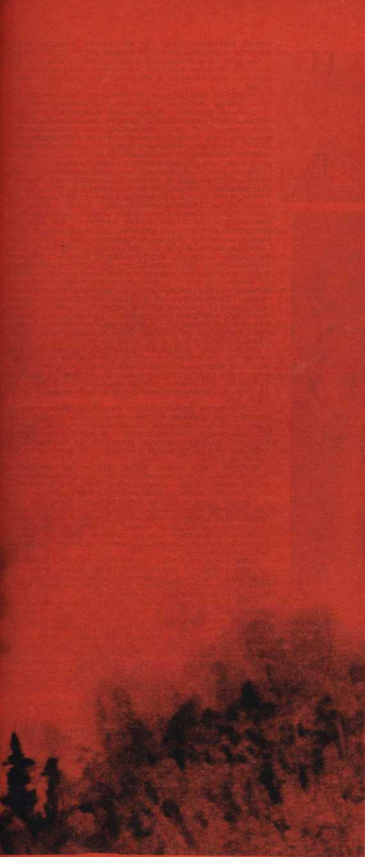
Летчик-наблюдатель Доброворский кричит Боброву:

— Большая плотность леса. Добавь смачиватель! Смачиватель — это специальный препарат, который добавляют в воду, чтобы она быстрее стекла с листьев и хвои деревьев.

Крутой разворот, и, выпривившись, самолет окунается в дым. Намется, будто мы нырнули в облако, почти до вершин деревьев всего десять метров. Бобров открывает сливные створки, и самолет, освобожденный от груза, прыгает вверх. Через несколько секунд в наушниках второго пилота слышен голос Боровнова — пресит еще два слива. Это значит, что после двух заходов пожар будет ликвидирован.

ФОТОРЕПОРТАЖ
СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
«СМЕНЫ»

В. МИШИНА

ВОТ ЧТО РАССКАЗАЛИ:

ВЕДУЩИЙ КОНСТРУКТОР В. Н. КОЗЛОВ:

— Уже сейчас десять машин АН-2 переоборудуются в лесопожарный вариант АН-П2, и к следующему «сезону» пожаров они вступят в строй. **ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АВИАБАЗЫ ГЛАВЛЕСХОЗА РСФСР К. В. ШИЛОВ:**

— Как «заказчик» я удовлетворен работой самолета. Я сам побывал под этим ливнем на ярочке огня и должен сказать, что наши требования выполнены отлично. Судите сами: за один заход машина локализует 70 метров огня. Новые самолеты будут работать в Западной Сибири, Карелии, Красноярском крае и на Дальнем Востоке.

СТАРШИЙ ЛЕТЧИК-НАБЛЮДАТЕЛЬ УРАЛЬСКОЙ АВИАБАЗЫ ОХРАНЫ ЛЕСОВ М. М. ДОБРОВОТСКИЙ:

— В наших условиях — при огромных расстояниях и малой плотности

населения — АН-2П — машина незаменима. Теперь при пожарах нет необходимости мобилизовать население. Если раньше для ликвидации пожара на площади 11 га приходилось высаживать 30—40 человек, то теперь достаточно всего двух наблюдателей. Технические и эксплуатационные данные новой машины таковы, что, обнаружив пожар, мы сразу можем его ликвидировать.

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ ЛЕСОПОЖАРНОГО САМОЛЕТА В. БОБРОВ:

— Усложнилось ли управление машиной по сравнению с обычным гидросамолетом? Можно считать, что нет. Пульт «забор» и «слив» воды очень невелик и прост в управлении. Трудность только в том, что при тушении пожара взлет и посадку приходится делать через каждые 5—10 минут. Но я думаю, что такого рода трудности полностью окупятся результатами работы.

ГАРИБАЛДИ И ДИВИЧЧИ В ОДНОМ СПИСКЕ

Очерк написал
специально
для «Смены»
редактор
спортивного отдела
чехословацкого журнала
«Млади свет»
Ян ДОБИШ

Сотый май 1962 года. В Советский Союз представлять Чехословакию на дружелюбном турнире отправились баскетболисты парадубицкой команды «Руда гвезда».

Столица Грузии Тбилиси встретила гостей сильной жарой, словно серьезными соперниками и огромным спортивным залом на 10 тысяч мест с вывешенным у входа объявлением: «Все билеты проданы».

Перед анонсом турнира организаторы чемпионата устроили для спортсменов поездку за город и озеро Лиси. Жара в те дни доходила до 40 градусов. Славек Дивичи, как и все остальные, купался с удовольствием. А вечером сильнейший игрок команды, Дивичи вышел на предпоследнюю встречу чемпионата.

После матча все стало плохо. В горле жгло, все тело чесалось. «У тебя тифозит», — решил Павел Калгоус, товарищ Дивичи. Но вскоре на подушечках пальцев стали набухать иржавые волдыри. На другой день Славек уже весь горел. Переводчица Лена Белозерова срочно вызвала «Скорую помощь», приехал врач, сделал уколы

пенициллина и стрептомицина, успокоил всех обещанием, что температура и утр спадет до 37 градусов.

Утром у Славена был уже 41 градус. Тем временем чемпионат закончился. «Руда гвезда» должна была возвращаться домой. Вся команда попрощалась со своим товарищем, никто виду не подавая, как тяжело им оставить его в таком состоянии. Даже врачи не могли объяснить, что же это за болезнь.

«Скорая помощь» отвезла Славена в инфекционное отделение ближайшей детской больницы. Доводить его в больницу для взрослых было далеко, он мог не выдержать дороги. Состояние больного быстро ухудшалось. Все время менялись диагнозы. Нора? Черная оспа? Лейкемия? Но во всем теле чернела, гнила и отваливалась целыми кусками. Температура держалась выше 40.

В девять часов вечера в Парубоцких жона Славена сдала две фотографии и документы, в половине десятого утра выехала на машине в Парубици, где ждал доктор Фриданову, а в пять часов дня обе уже улетели в Москву. «Маруна, и вдова все самые лучшие лекарства, какие только существуют на свете. Мы должны его спасти», — говорила Фриданова. В Мессие их уже ждала ма-

шина, которая сразу же доставила женщин и к маме, отлетающую в Тбилиси. По дороге к больнице Маруна подготовила и тому, что Славек внешне «немного изменился». Но все, очутившись в палате, она прошила белые мушкетеры.

Собрался консилиум. В истории болезни появилась новая запись: «Безопасная форма». Профессор Брайтль, опытный микробный дерматолог, срочным телеграммой в Тбилиси вместе с другими специалистами, приписывая, что это пятый случай такого заболевания в СССР. Четверо врачей, а пятый санврач, договорились между жизнью и смертью. Эта болезнь тем и страшна, что встает, как иррационально.

На следующий консилиум дерматологов и терапевты пригласили хирурга 2-й городской больницы Георгия Маланевича Турманидзе. Имя Турманидзе известно в Грузии каждому. Начиная с XII века представляется в этом роде лечат людей, исследуя основателя грузинской медицинской школы писали ватинские несуты. Об этом же свидетельствуют документы, хранящиеся в доносном музее. Годы тяжелые раны приносили Гарибальди и постели, его друзья обратились за помощью к семье Турманидзе. Реценты лекарств передавались по наследству от одного поколения другому. Самое известное на них, ищущее омовов и других повреждений кожи, после революции советские ученые официально назвали Турманидзе. И сейчас известный хирург, которому 61 год, во время отпуски ездит по всему Кавказу, собирая различные травы, из которых потом изготавливает целебные лекарства. Рецепт этих лекарств он предоставляет в распоряжение государства.

Турманидзе осмотрел Славена, вспомнил, что когда-то в начале текущего года пути, столкнулся с подобным случаем. Доктор надолго задумался. Про него говорят, что он никогда не чувствует угнетения исход болезни: посмотрит на пациента, снажет «вылечу» и в самом деле вылечит.

Турманидзе приступил к лечению. Без наркоза, потому что Славек и так еле дышал, начался ситому. С ним пошел каждый санитарный врач, с удивлением наблюдавшие за этой процедурой, увидели фантастическую картину: за восемь с половиной часов больные лишились 90 процентов кожи и не умер.

Добрых пять тысяч ирон стоило бы ежедневно только одно миндальное масло, которое съезжал Славек, чтобы уменьшить боль. За субботу и воскресенье Турманидзе приготовил свежую мазь и вскоре пациент стал ходить на шпалерах бинтов. Доктор натер мазью каждый сантиметр тела, перевязки следовали через каждые пять часов. Случай три недели силки все бинты. На теле у Славена оказалась новая тонкая, розовая, как у новорожденного, кожа. Славек и в самом деле родился заново.

Вскоре Славек стал понемногу ходить. Ежедневно его навещал известный грузинский баскетболист Отар Куррия, поддерживал его во время прогулок, уверял, что через год Славек уже будет бегать по баскетбольной площадке.

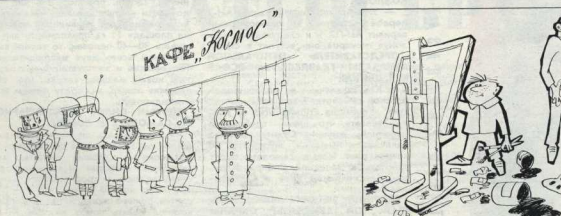
В те дни врачи тратили на дорогу из больницы домой по два часа в оба. Каждый знакомый останавливал их и расширявал о здоровье чека. Отправлялись в больницу, Маруна получала от родителей такси точную информацию о том, что с утра у Славки было 38,5, а потом температура понизилась и появился аппетит. Узнала, что больному можно есть ирриный бульон, руководители тбилисского «Динамо» доставили в больницу самых лучших кур. Совершенно незаметно люди приносили для больного подарки. Весь город жил судьбой чешского спортсмена.

Во время первых прогулок его сопровождали толпы людей. Так как при уходе Славек часто отпадал, то они носили с собой складные стульчики. Переводчица «Интуриста» Лена Белозерова, как только Славек заболел, взяла отпуск, чтобы ухаживать за ним, а когда прилетела Маруна, Лена, узнала ее, как переводчицу больного.

Через 86 дней супруги Дивичи вернулись домой. Давно уже миновал трехмесячный период полного выздоровления Славки. В этот период Славек не мог не только купаться, но даже и принимать душ. С доктором Турманидзе Дивичи вместе много времени проводила в Парубици.

Да, и в этот период Славек заболел еще раз. Давно уже Дивичи, нападающий парадубицкой команды «Руда гвезда», снова в строю, снова на баскетбольной площадке.

Перевел с чешского В. ОСТРОУМОВ

НЕТ УЖ ПУСТЬ ЛУЧШЕ ОН ОПЯТЬ НАЧНЕТ ЗАНИМАТЬСЯ МУЗЫКОЙ.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

ЧИТЕЛАМ «СМЕНИ»

Я боюсь слов. Чем больше я стараю (а как известно, все мы постепенно стараем), тем больше я боюсь слов. Допускаю, что стоило бы писать так: «Летом мы поехали в Москву. Мы писатели, а писатели борются с хоррорами и с плохими словами, описывая различные дурные характеры, которые он наблюдал. Писатель часто чувствует, что его борба со словами неравна и восхищается Чеховым, который всегда выигрывает битву со словами».

Вот и сейчас, когда я обращаюсь к молодому советскому читателю, я хотел бы найти в себе лучшие слова и высказать их.

Забавно я приветствую города, в которых побывал: Москву, Ленинград, Волгоград, Тбилиси, Ростов и снова Москву. И людей, которых я встретил в этих городах. Приветствую также людей, которых в этих городах и во всех других городах, где я не был, я не встречал.

И я хотел бы, чтобы эти люди думали обо мне так же, как и я думаю о них.

Рассказ, который мы сейчас прочтете, называется «Пятая сторона света». Название как будто неадекватное. Я так не считаю. Иногда человеку недостаточно четырех сторон света. Дадим ему в этом случае пятую. Человек и не подозревает.

Сейчас, когда мой рассказ находится перед вами, мне кажется, я сижу с моим другом Мануилом Григорьевичем Семёновым, московским писателем, где-нибудь в Дубровке или в Югославии и беседую за дружеским бокалом вина. И это, уверю вас, немалое счастье.

Забавно мы очень хотели выпить с нарядным советским читателем дружеский бокал, но это невозможно: мы, друзья, немалой Юду чашу за себя выпили.

Сердечно приветствую каждого из вас!

Браня ЧРПЧЕВИК

да? В пятую сторону света, — заманивал Никола. Мы уложили его рассказать нам нечто этой истории. Но он говорил, что больше ничего не было. Он говорил, что «эпос отменял» Динка или Дженка в пятую сторону света не о чем больше рассказывать. Мы страшно возмущались и недоумевали. Кто же он в конце концов: человек или демон? Динка или Дженка? Возник из Северной или Южной Америки? И как это удалось ускакать в пятую сторону света? Мы спрашивали разных людей, существует ли пятая сторона света. «Конечно, нет», — отвечали разные люди. И мы боимся, что Никола издевается над нами. Но при очередной встрече с ним мы забывали свои сомнения, и его новые истории и каждое слово этих историй — было без промаха в цель. Дело было так, — начинал Никола новую историю, закуривая неподнесенную нами сигарету. — Немкий сэр, это посмертинский значок господина Паня дом строился, он не раз с гордостью говорил мне: «Вот этанж, Никола, это будет нечто особенное». Паня дом строился, он не раз с гордостью говорил мне: «Вот этанж, Никола, это будет нечто особенное». Паня дом строился, он не раз с гордостью говорил мне: «Вот этанж, Никола, это будет нечто особенное». Паня дом строился, он не раз с гордостью говорил мне: «Вот этанж, Никола, это будет нечто особенное».

ПЯТАЯ СТОРОНА СВЕТА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

то бы мне ни говорить, но я всегда буду утверждать, что никто не знал цену слову лучше Никола. Так знали этого почитателя наших ребячьих душ. Мы издали его рассказы, как праздника. И когда он появлялся на улице, мы мчались и неву слюва голову и окружали его плотной стеной.

«Что там греха таить, мы чувствовали себя перед ним, как Иоанн перед Христом; мы считали, что недостойны даже расцарапать ему ботинки».

— Рассказывай нам что-нибудь, Никола, — просями мы.

— У вас есть «это»? — спрашивал Никола.

«Это» означало сигареты. Для Никола мы таскали их у родителей, покупали на гроши, сэкономленные от щипальных завтраков.

Никола закурил и начал очередную историю: «Дело было так. В Северной, а может быть, и в Южной Америке жил человек по имени Динка. И был у него один глаз карий, а другой — серый. Как вы думаете, с какого расстояния он мог из пистолета попасть в муху? Не знаете? С метрами? Нет, ров и уша, Динка ходила по нему с ума. Он все мог, все знал. Он сканал на коне и под конем. А на завтра он

вы думаете, что он сделал потом? Не знает? Никто бы не догадался! Он в свои самые быстрые автомобиль и уехал в пятую сторону света. Все истории Николаю кончались таким образом. Мы росли, это время, и легенды Никола, наши чудесные ребячьи легенды туснели. Бремя доказало нам, что Никола — просто безумец. Мы узнали грустную правду о нем. Мы жили в это время, и мы видели Америку, осознавали, что все его истории выдуманы, понимали, что не существует пятой стороны света.

И встреч с Николой становились все реже. Изредка он попадался нам — как всегда, он спускался по улицам, — но как прежде, не чувствовали себя перед ним, как Иоанн перед Христом. Конечно, мы предлагали ему сигареты, но взамен уже не просили истории. Да и его история и не видел Америку, осознавали, что все его истории выдуманы, понимали, что не существует пятой стороны света.

Со временем мы совсем перестали встречаться с Николом. Он стал для нас, как для всех взрослых, привычных городских сумасшедшим, какник сумасшедший в ста ветров, ведомо душно и уже не предлагали сигарет. Но были даты, и они принадлежали Николу, а он принадлежал им.

Итак, уже несколько лет я не предлагал ему сигареты, а тогда он умер, признавая, как и многие, я не помню на похороны. Но, как ни странно, с годами Никола снова появился в моей жизни. Однажды, поднимаясь на гору, я сплунул и сказал: «Этот пистолет и тогда я вспомнил Никола. Во сне я увидел человека, у которого один глаз карий, а другой — серый. Он говорил, что сын в красках не могут сделать и видел именно красные черты. И человек из моего сна на вопрос «Кто ты?» ответил: «Я Динка или Дженка из Северной или Южной Америки».

Так постепенно я начал верить, что действительно существовал Динка или Дженка из Северной или Южной Америки и звали-была Луиза, в которую он был беззастенчиво влюблен. И это любовь удел бедняков. Только преле немного цыганки Никола, понаучу, выдумал. Но ведь это была совсем маленькая ложь.

«Иногда я сижу чаша без желаний, без митических мыслей и смотрю в окно, вспоминаю Николау, талантливую учителя, которого мы не понимали. И потом вот уже одна его история, которую я хочу рассказать вам напоследок».

— Динка было так, — говорил Никола. — Я назвал одного молодого парня, имя которого не буду называть. Боже, о боже. Это удивительный парень. Вы думаете, что его интересовало цыганки Никола? Он говорил мне (а это было нетрудно; и любви его отдавая) деньги, и хотел, чтобы я помог ему в работе. Он копил деньги и покупал

веревки. А как вы думаете, зачем? Потерите, я потом вам скажу. Мы тайно копили самую глубокую яму на свете. Зачем мы ее копали? — спросите вы. Чтобы опустить этого парня вниз, туда, где глубже всего на свете. Он хотел увидеть, что там. Спустился ли в его туго? Да, конечно, 14 дней и опуская его и мы высвистывали. Он вышел бледный, удивленный и ничего не сказал мне, его знали, этого парня, Динка или Оливер. Так вот что он сделал, этот Динка или Оливер. Он помирничал, сплунул, сел в поезд и отправился в пятую сторону света. Вот что он сделал, — говорил нам когда-то Никола.

Все чаще и все точнее вспоминаю я его историю. И все чаще мне в голову приходит мысль, что мало для человека четырех сторон света! И я понимаю, что здесь происходит все человеческие истории. Тогда мне охватывает желание сесть в поезд или в автомобиль или вскопать на коня, а впрочем, можно и пешком, и отправиться, как все герои Николовой истории, в пятую сторону света.

Не спрашиваете у обычных людей, существует ли пятая сторона света? «Конечно, нет», — отвечает вам обычные люди».

Перевела с сербского Я. КУНИНА

ОН ГОТОВИТСЯ К ПОКАЗАТЕЛЬНОЙ ВСТРЕЧЕ... Рисунок Е. ШАВЕЛЬНИКА

— ПОЖАЛУСТА, УВАЖАЕМЫЕ! — ВАША ДОЧЬ... СЛУШАЙТЕ, ВАМ ЖЕ ЗВОНИЛ СВЕРХУ, ЧТО МНЕ ПУЖЕН МАЛЫШИН! Рисунок М. БЕРДЗЕНШВИЛИ

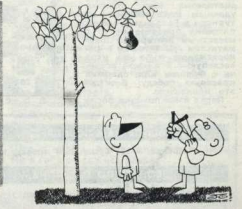

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ЗАНЯТИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

— Все прошло! — воскликнул комиссар Метр.
Он был одет, как никогда. Правда, на этот раз у него были расклеванные ногти.
— Неужели нельзя было сообразить, — выговаривал он инспектору Лягрюму, — что архивы всегда должны находиться в определенном месте? А теперь, после наводнения, а что они годны?

— Вот эти отбавят три часа и пятую часть, что и чему? — вырвался комиссар.

— Ну и как?
— Ничего не понял! Можете быть, вы мне поможете?
— Попробую.
— Ну, начнем с дела об убийстве Сардини. Это кланча одного парня, которого убивали, особенно сломя голову, пока не столкнулся с необычайным количеством ящериц. В общем, случай классический. Из того, что можно разобрать в этих обстоятельствах, известно следующее: тип Сардини была найдены однажды утром где-то на пустыре. Наши молчаливо с операцией, которая делалась в тот же день, задержались у трех подозрительных типов. Один из них был признан виновным. Вот последние «Мясниц», «Жовко» и «Наюлька».

От него досле только и осталось, что какие-то сведения из допроса обвиняемых.

Молодые французы, любители помотать голову на трудными заданиями, хорошо знакомы с комиссаром парижской полиции Метром и его помощником инспектором Лягрюмом. Вместе с ними, вооружившись логикой, карандашом и бумагой, они распуляют самые невероятные хитросплетения.
Мы предлагаем всем слушателям курсов присоединиться к читателям французского журнала «Шур ле туз» и помочь комиссару по двум чрезвычайно запутанным уголовным делам.

ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ

* Кто именно?
— Известны следующие факты:
Мясник утверждает:
1) Убил не я.
2) Я не знаю Жовко.
3) Да, конечно, я знал Сардини.

Жовко утверждает:
1) Убил не я.
2) Мясник и Наюлька — мои корешки.
3) Мясник на «мюмор» делов не идет — он инкогнито и никогда не унывал.

Наюлька утверждает:
1) Убил не я.
2) Мясник шрет говоря, что он не знает Жовко.
3) Кто убил не знаю.
Кроме того, — продолжал комиссар, — мне удалось восстановить то место протокола, где говорится, что из трех заявлений, которые сделал навидней обвиняемый,

АТАКУЕТ ЮРИЯ БАЛАШОВ

В прошлом году мы познакомились читателя «Мясниц» с 15-летним шахматным мастером из города Сидней — Курганом области. Юрием Балашовым. Судя по рассказам любителей шахмат, им пришлось по душе активная, а значит и атакующая игра юного сибиряка. Свое шестнадцатилетие Юрий затеял удачным выступлением на турнире в Голландии, где он разделил призовое место с известным венгерским шахматистом Я. Вешлером, переросшим миром по игре «наспех». В этой игре Балашов Юрия одержал иррациональную победу. Вот как это произошло.

Перед вами позиция после

27-го хода белых. Их шансы кажутся весьма, так как фигуры, особенно сломя голову, расположены весьма перспективно. Но первое впечатление оказывается обманчивым.
Тактическим ударом Балашов соединил черными, обменяв, казалось бы, не-

ПУТЬ К ПОБЕДЕ
Этот оригинальный этюд принадлежит талантливому советскому шахматному мастеру Льву Каляеву (1913 — 1941 гг.), чемпиону Башкирии, лавшему смертью храбрых во время Великой Отечественной войны.
Условие этюда — белые минимално и выигрывают — является невыполнимым из-за опаснейших угроз белому

королю. Но путь к победе все же имеется: 1. Лf1 Лh1 2. Лh1 Сh2 3. Лf1f1 (аферистские манеры производят сильное впечатление) Сf1 4. Ле6 Сd5 5. Ле3-1 Кe3 6. Кd5-1 Сd5 7. Сf2-1 Кd3 8. Ke5-Се5 9. dВf1, и белые достигают цели. Остроумно превращение пешки в

Оформление В. Соколова. Технический редактор И. Вудина.

А 02375. Подписано к печати 4/VIII 1905 г. Тираж 900 000. Изд. № 1510. Заказ № 1913. Формат бумаги 70 x 100/16. 2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Городки», 24.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
Дли справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; филология — Д 3-30-97; Д 3-30-97; Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; студенческой молодежи — Д 0-49-38; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редакция: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Куклино, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самиров, А. Б. Стукома.
Копипись не возвращаются.

одно только лозиное. Ну и как теперь узнаешь, кто был убийцей!

Лягрюм, который внимательно слушал комиссара, вдруг не говоря ни слова, вынул листок бумаги и начал что-то читать.

— Что вы делаете! — рассердился комиссар. — Решите сейчас преступление!

— Нечто в этом роде. Но не давайте подсказки. Решите минутную. Вот убийца! Это он и инкогнито!

— Фу, савава бога! гора с плеч! — воскликнула обрадованная Метр. — Но еще один орешек. Буду надеяться, что для вас он окажется пустым!

Спустив дальнейший разговор между комиссаром и инспектором, а обратится и сути дела.

Во втором деле фигурировали уже шесть персонажей: Климент, Фредерик, Жюзе Анри, Мари и Вальтер. В этом списке находились Луизи, не в той последовательности, которую привнес Мари жертва, убийца, и жертва, подпольщик, судья и падач. Что же произошло? Метр так был поглощен стрелком в упор среди белых фигур, что не успевал присутствовать при убийстве и не был знаком с убийцей. Но выясняется, что слышал громкий расговор, крики и ругательства, которые и последовал выстрел. В ходе процесса обвиняемый был признан виновным, приговорен и высшей мере наказания и казни. Еще удалось восстановить следующие факты:

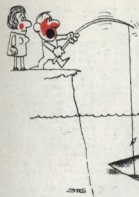
1) Мари знал жертву и разговаривал с убийцей.
2) В ходе судебного процесса судья попросил Климента высказать, что ему известно.

3) Вальтер был последним человеком, видевшим Фредерика живым.
4) Полицейский заведующий утверждал, что он встретил Жюзе Анри и Мари при поступлении после убийства.
5) Анри и Вальтер ни разу не пришлось встретиться.

Ну, а как теперь узнать, на какую роль в этом деле сыграли навидней персонажи.

Лягрюм, который по пунктам записал все детали, нарисовал еще один «спломякорь» и вскоре уверенно заявил: «Убийца — таковой, судья — такой же, и т. д.»

— Как все-таки сумел он все это распутать!

ЗАЩЕПЛИЛИ ОПЯТЬ ПРИДЕТСЯ ЛЕЗТЬ В ВОДУ!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

КРОССВОРД

Составил Э. ЗАХАРОВ

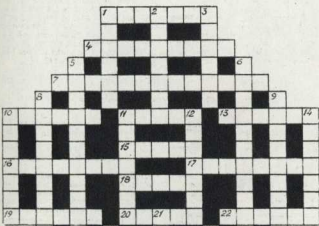
г. Москва

По горизонтали:

1. Цветок.
4. Русский революционер, изобретатель, разработавший схему репративного летательного аппарата.
7. Самостоятельность, суверенитет.
10. Единица измерения плоских углов.
11. Морская полярная птица.
13. Советский кинорежиссер.
15. Английский поэт, революционный романтик.
16. Представительница основного населения европейского государства.
17. Звуколучатель в громкоговорящем.
18. Порода собак.
19. Руководитель высшего учебного заведения.
20. Река в Англии.
22. Оперетта И. Кальмана.
25. Наука о жизни в водной среде.
26. Город в Италии.
27. Виза графини.

По вертикали:

1. Антифашист—герой испанского народа.
2. Шведский астроном и физик XVIII века.
3. Хвостовое земноводное.
5. Раздел медицины.
6. Подготовка древесных семян для посадки.
8. Языки, уровни устного развития.
9. Простейшее животное.
10. Скульптор, народный художник СССР.
11. Зубчатый кит.
12. Линейка в геодезических инструментах.
14. Летная пристройка к зданию.
21. Руководитель ансамбля народного танца СССР.
23. Роман И. г. Чернышевского.
24. Персонаж оперы Д. Россини «Севильский цирюльник».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

1. Сосна.
2. Генератор.
3. Мадригал.
4. Манарова.
5. Закрытки.
6. Гатри.
7. Велосипед.
8. Тригонометрия.
9. Кальман.
10. Штольня.
11. Голак.
12. Титов.
13. Крова.
14. Дюкля.
15. Ают.
16. Элак.
17. Корк.
18. Мане.
19. Эйрар.
20. «Демон».
21. Верстаи.
22. «Пугальзон».
23. Кироплават.
24. «Син-Фрида».
25. Верма.
26. Ленок.
27. Карабонан.
28. Ронаироква.
29. Скалаво.
30. «Фальстаф».
31. Лотос.
32. Осана.

ПЕЧАТНОЕ

Свободно. Ритмично. Сарказанно.

От любви моей до любви твоей
Было столько верст, было столько дней...
Выюга смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.
Шел я сквозь выюгу, шел сквозь небо,
Но до тебя я дойду все равно.

Верю, что ждешь где-то...
Всюду зову, всюду ищу тебя.
Выюга смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.
Шел я сквозь выюгу, шел сквозь небо,
Но до тебя я дойду все равно.

Нет без тебя света,
Нет от тебя ответа.
Верю, что ждешь где-то...
Слышишь, зову, слышишь, иду к тебе...
Выюга смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.
Шел я сквозь выюгу, шел сквозь небо,
Но я тебя отыщу все равно.

Слова Л. ОШАНИНА

Музыка А. ОСТРОВСКОГО

От любви моей до любви твоей
Было столько верст, было столько дней...
Выюга смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.
Шел я сквозь выюгу, шел сквозь небо,
Чтобы тебя отыскать на земле.
Как ты посмела не поверить,
Как ты посмела не ответить,
Не догадаться, не заметить,
Что твоё счастье в руках у меня...

Пр и я в и:
Нет без тебя света,
Нет от тебя ответа.
Верю, что ждешь где-то...
Всюду зову, всюду ищу тебя.
Выюга смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.

Шел я сквозь выюгу, шел сквозь небо,
Но до тебя я дойду все равно.

От любви моей, от любви твоей
Стал упрямей я, стал еще сильнее.
Хочешь, пройду я кручей горной,
Хочешь, взлечу я в туче черной.
Тесен для сердца мир просторный,
И не умею я жить, не люблю.
Нет без тебя света,
Нет от тебя ответа.
Верю, что ждешь где-то...
Слышишь, зову, слышишь, иду к тебе...
Выюга смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.
Шел я сквозь выюгу, шел сквозь небо,
Но я тебя отыщу все равно.

Первая страница обложки — Патрульный! Патрульный! Я — «Навлия».— Инструктор авиалапарной команды Владимир Боровков наводит лесопоисный самолет на линию огня.

Репортаж из горящего леса см. на стр. 28—29.

Фото В. МИШИН

Ни одного игрока старше 19 лет — такого турнира советский футбол еще не знал. И хотя, как и в любом турнире, здесь был выявлен победитель — сборная Украины, — цель матчей была совсем иная: заглянуть в завтрашний день футбола, поближе познакомиться с теми, кто должен заменить Яшина, Нетто, Иванова в будущих боях. Поэтому так внимательны члены отборочной комиссии (снимок слева). Их имена вам хорошо известны: Игорь Нетто, Сергей Салкинков, Николай Старостин. А на правом и нижнем снимках — молодежь в игре. Подробный рассказ о молодежном турнире см. на стр. 26—27.

Фото А. БОЧИННИНА

